ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ КНИГИ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ, ЧИТАННЫЯ ВЪ г. ОДЕССѢ

проф. А. И. Кирпичниковымъ.

Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій проспектъ, д. № 8.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Сентября 1888 г.

Очеркъ исторіи книги.

Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ г. Одессѣ

проф. **А. И. Кирпичниковымъ.**

ЛЕКЦІЯ I.

Книга до книгопечатанія.

Разсказываютъ *), что разъ въ парижскую публичную библіотеку пришелъ одинъ господинъ и сказалъ дежурному чиновнику:

— Дайте мнѣ самую старую книгу, какая есть на свѣтѣ.

— Самую старую печатную книгу или самую древнюю рукопись? спросилъ его чиновникъ.

— Я не знаю этихъ тонкостей, сказалъ посѣтитель:—я только хотѣлъ-бы видѣть самую древнюю книгу, какая только существуетъ, книгу, которая написана прежде всѣхъ.

Неизвѣстно, какъ-бы поступилъ въ данномъ случаѣ нѣмецкій или англійскій библіотекарь: можетъ быть, онъ просто прогналъ-бы невѣжественнаго посѣтителя, а можетъ быть, стремясь съ полной добросовѣстностью исполнить его желаніе, привелъ-бы его къ витринѣ и показалъ-бы ему какъ древнѣйшую рукопись, находящуюся въ этой библіотекѣ, такъ и древнѣйшую старопечатную книгу. Весьма возможно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ посѣтитель возвратился-бы домой не умнѣе,

*) *Egger.* Histoire du livre 1.

чѣмъ пришелъ въ библіотеку. Находчивый французъ поступилъ иначе: не особенно затрудняя себя, онъ съумѣлъ дать посѣтителю назидательный и понятный урокъ и предложилъ ему... Библію.

Нѣтъ сомнѣнія, что такой простой отвѣтъ на мудреный вопросъ можетъ удовлетворить только весьма немудраго вопрошателя, который наклоненъ смѣшать первенство по достоинству съ первенствомъ по времени. Въ глазахъ человѣка болѣе развитого, Библія, во-первыхъ, представляется не одной книгой, а цѣлой библіотекой книгъ разныхъ эпохъ; а во-вторыхъ, и древнѣйшія изъ ея составныхъ частей предполагаютъ уже высокую ступень умственной, вообще въ частности литературной, книжной культуры. Эта книжная культура, какъ и все человѣческое, начинается не сразу, и первыя стадіи ея, одновременно и независимо проходимыя людьми въ разныхъ концахъ земли, отдѣляются другъ отъ друга цѣлыми тысячелѣтіями.

Исходнымъ пунктомъ искусства письма служитъ ограниченность человѣческой памяти. Изображеніе животнаго, служащаго родовымъ знакомъ умершаго индѣйца или указывающаго на его личное имя, и черточки углемъ или зарубки, которыми камчадалъ отмѣчаетъ число звѣриныхъ шкуръ, справедливо считаются началомъ письменности. Отъ этихъ напоминающихъ изображеній безконечно далеко не только до книги, но и до самой грубой іероглифической надписи на камнѣ или торговаго договора, кое-какъ начертаннаго на кускѣ невыдѣланной кожи. Нуженъ былъ умственный трудъ цѣлаго ряда поколѣній, чтобы выработать какое нибудь, хоть самое первобытное средство выражать потребные факты и мысли полностію, такъ, чтобы ихъ понималъ не только авторъ или тотъ, кто слышалъ объясненія отъ автора, но и всякій другой членъ того-же общества, выучившійся разбирать эти знаки. Длинный рядъ поколѣній, цѣлыя сотни и тысячи лѣтъ потребовались на то, чтобъ прійти къ заключенію, что знаки, выражающіе звуки, гораздо удобнѣе, нежели знаки, выражающіе цѣлыя понятія. Какъ люди дорожили этимъ открытіемъ, видно изъ исторіи звуковой азбуки, которая, какъ оказывается, разъ вы-

думанная, въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій переходитъ, подвергаясь только легкимъ модификаціямъ, отъ одного культурнаго народа къ другому: отъ египтянъ къ финикіянамъ, отъ финикіянъ къ грекамъ, отъ грековъ къ римлянамъ и т. д.

Но исторія нашей азбуки сама по себѣ могла-бы составить предметъ нѣсколькихъ чтеній; даже самый краткій очеркъ ея отвлекъ-бы меня далеко отъ моей темы, отъ исторіи камня, очертить которую въ двухъ лекціяхъ я могу только при условіи самой скрупулёзной экономіи. Въ нынѣшней моей лекціи я буду говорить о книгѣ до начала книгопечатанія. Я буду до-нельзя кратокъ относительно колыбели цивилизаціи: Азіи и Египта и остановлю ваше вниманіе на книжномъ дѣлѣ въ Греціи, Римѣ и средневѣковомъ обществѣ, включая туда-же и наше русское.

Какъ среди американскихъ дикарей въ настоящее или недавнее время, такъ и за много тысячъ лѣтъ при началѣ нашей цивилизаціи, надгробные памятники—первый матеріалъ для передачи извѣстныхъ фактовъ на пользованіе отдаленному потомству. Такимъ образомъ, первая книга человѣка—деревянная или каменная; первое перо его—крѣпкій ножъ или топоръ.

Одновременно съ надгробными памятниками, появляются пограничные столбы и монументы, поставленные въ воспоминаніе какихъ-либо выдающихся событій. Эти столбы и природой созданныя скалы тоже служатъ записными книжками своего рода. Позднѣе ту-же роль играютъ каменныя, потомъ металлическія плиты, на которыхъ вырѣзаются надписи. Остатки всего этого, не какъ потерявшее смыслъ *переживаніе*, а какъ естественную потребность упрочить надпись, мы видимъ до сихъ поръ вокругъ себя. Но, въ настоящее время, имѣя возможность сообщаться съ потомствомъ другимъ образомъ, человѣкъ въ такихъ разныхъ надписяхъ бываетъ до крайности лакониченъ. Не такъ бывало въ древности. На египетскихъ обелискахъ есть надписи, которыя, будучи воспроизведены въ печатной книгѣ средняго формата, занимаютъ въ ней многіе десятки страницъ. И позднѣе, въ греко-римскомъ мірѣ, когда уже существовали книги и даже цѣлыя библіотеки, общественные договоры, дипломатическіе документы и даже нѣкоторыя грамоты, касавшіяся частныхъ лицъ (напр., такъ называемыя

honestae missiones, почетныя отставки воинамъ), продолжали вырѣзать на камнѣ или на бронзѣ; въ послѣднемъ случаѣ, доску иногда исписывали съ двухъ сторонъ и вѣшали на цѣпи. Между ними встрѣчаются надписи, занимающія десятки страницъ in folio. Даже въ здѣшнемъ музеѣ общества исторіи и древностей можно видѣть надписи въ 40—50 строкъ и болѣе. Въ ліонскомъ музеѣ есть одна надпись на бронзовой доскѣ, занимающая цѣлую стѣну и содержащая въ себѣ почти всю рѣчь болтливаго императора Клавдія.

Но каковы-бы ни были успѣхи техники гравировальнаго дѣла, каменныя плиты или мѣдныя доски не могутъ приблизиться къ понятію о книгѣ по дороговизнѣ производства и по своей тяжести, которая почти не допускаетъ возможности переносить написанное съ мѣста на мѣсто. Есть, правда, указанія, что изрѣдка употреблялись тонкіе свинцовые листы, на которыхъ писали довольно легко и скоро острой желѣзной палочкой; а индусы подобной-же палочкой писали на пальмовыхъ листьяхъ, которые можно было сшивать; но первый способъ былъ, повидимому, въ ходу въ то время, когда древнѣйшій изъ извѣстныхъ въ Европѣ родовъ бумаги пользовался уже широкимъ распространеніемъ, а листья, хотя-бы и пальмовые,— матеріалъ слишкомъ не прочный.

Есть еще способъ отмѣчать факты и даже мысли, не имѣющій ничего общаго съ писаніемъ: это условные узелки и завязки на шнуркѣ. Извѣстно, что испанцы нашли въ монархіи инковъ, въ Перу, цѣлые склады подобныхъ вязаныхъ книгъ. Но такъ-какъ этотъ способъ не имѣлъ никакого вліянія на развитіе нашей европейской книги, то я и оставляю его въ сторонѣ.

Въ старомъ свѣтѣ первыя извѣстныя намъ библіотеки состояли изъ книгъ *глиняныхъ*. Важное открытіе этой ломкой литературы всецѣло принадлежитъ нашему столѣтію. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла столица древней Ассиріи, довольно давно уже находили барельефы съ такъ называемыми клинообразными надписями на языкѣ древнихъ халдеевъ, иначе: на языкѣ аккадійскомъ. Около половины нынѣшняго столѣтія стали находить и съ надписями на томъ же языкѣ кирпичи или глиня-

ныя плитки, на которыхъ писали черточками, прежде чѣмъ глина окрѣпнетъ. Посредствомъ разныхъ остроумныхъ догадокъ и упорнаго труда выучились свободно читать эти черточки, и теперь извѣстно, что этотъ аккадійскій языкъ былъ мертвымъ уже за 1700 лѣтъ до Р. Х., но ассирійскіе ученые на немъ писали и много позднѣе, такъ-же, какъ въ средневѣковой Европѣ писали по-латыни. Обширная ассирійская литература состоитъ изъ переводовъ съ аккадійскаго и изъ подражаній аккадійскимъ авторамъ на ихъ-же языкѣ. Теперь прочитаны цѣликомъ или въ отрывкахъ многіе десятки грамотъ, судебныхъ приговоровъ, религіозныхъ гимновъ и поэмъ, лѣтописи, трактаты грамматическіе, астрономическіе, агрономическіе и т. д., и т. д. Извѣстно, что изъ такихъ глиняныхъ книгъ составлялись цѣлыя общественныя библіотеки, гдѣ читатели, какъ и у насъ, требовали книги по каталогу, отмѣчая только нумеръ сочиненія; такія библіотеки были во многихъ городахъ Мессопотаміи. Эта древне-халдейская культура черезъ персовъ, финикіянъ и евреевъ оказала сильное вліяніе на Европу; достаточно сказать, что 12 мѣсяцевъ года и 7 дней недѣли мы унаслѣдовали оттуда.

Матеріалъ для ассирійскихъ книгъ очень дешевъ; чернила не стоили ни копѣйки; прочность ихъ, если онѣ стоятъ на мѣстѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, и отъ нихъ легко было дойти до книгопечатанія: мягкая глина давала возможность оттискивать при выпуклыхъ буквахъ неопредѣленное количество экземпляровъ. Но глиняныя книги неудобны для переноски и занимаютъ слишкомъ много мѣста: если-бы написать клинообразными знаками на такихъ плиткахъ все содержаніе одного № газеты «Times», десять самыхъ сильныхъ носильщиковъ не могли-бы перенести ихъ съ мѣста на мѣсто, и если-бъ наша университетская библіотека состояла изъ книгъ, написанныхъ такимъ образомъ, для ея помѣщенія не хватило-бы, пожалуй, половины Одессы.

Болѣе удобный матеріалъ для писанія, служившій древнему міру, изобрѣтенъ въ другой колыбели нашей цивилизаціи, въ Египтѣ. Неизвѣстно когда, но во всякомъ случаѣ больше чѣмъ за 1000 лѣтъ до Р. Х., тамъ стали выдѣлывать бумагу

изъ волоконъ одного растенія—*папируса* (cyperus papyrus). Эта бумага была много хуже и много дороже нынѣшней и на ней писали только съ одной стороны. Тѣмъ не менѣе, это изобрѣтеніе имѣетъ громадную важность: только благодаря ему, умственная культура древняго міра могла подняться такъ высоко.

Папирусъ не дѣлился на листы, а изъ него приготовляли длинныя полосы въ родѣ нынѣшнихъ кусковъ узкаго полотна; эти полосы навертывали на палку, оба конца которой имѣли утолщенія; на верхнемъ концѣ прикрѣплялся ярлычекъ съ обозначеніемъ заглавія, который высовывался изъ футляра, большею частію кожанаго, соотвѣтствовавшаго нашему переплету. Для переноски такіе свитки помѣщали въ круглыя корзинки, съ отверстіями во внутренней крышкѣ, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ теперь помѣщаются флаконы съ духами. Въ библіотекахъ эти свитки не ставились, а клались на полки такъ, что ярлычки были на виду. Писали на нихъ или одной вертикальной колонной, длина которой равнялась длинѣ свитка, или поперекъ, рядомъ многихъ параллельныхъ коллонъ. Остатки такого способа писанія на свиткѣ всякій изъ васъ, безъ сомнѣнія, видалъ, если не въ видѣ грамотъ, которыя у насъ на Руси писались на свиткахъ до начала XVIII вѣка включительно, то на старыхъ картинкахъ или иконахъ, гдѣ свитки со словами вытягиваются изо-рта говорящаго.

Папирусъ и способъ писанія на свиткахъ изъ Египта перешелъ въ Грецію около VII столѣтія до Рождества Христова, а оттуда и въ Римъ; но египтяне долго сохраняли монополію выдѣлки папируса, и только въ послѣднее время римской республики римляне завели собственныя папирусныя фабрики.

Во время Плинія *) это производство достигаетъ въ римской имперіи высокой степени развитія, различается много видовъ бумаги, отъ перваго сорта, который употреблялся только для важнѣйшихъ документовъ, и до бумаги оберточной, стоившей сравнительно очень недорого. Употреблялся цвѣтной папирусъ или накрашенный съ одной стороны; былъ папирусъ

*) Отъ него получаемъ мы главныя наши свѣдѣнія о папирусѣ. См. Hist. Nat. XIII, 11—13.

глянцевитый, очень красивый на видъ, но плохо вбиравшій въ себя чернила и т. д. Это производство было подвержено временнымъ остановкамъ вслѣдствіе неурожая папируса, изъ-за котораго одинъ разъ, при императорѣ Тиверіи, чуть не вспыхнуло народное возмущеніе. Въ эпоху эллинскую папирусъ былъ значительно дороже, нежели въ римскую; такъ при Периклѣ кусокъ папируса средней величины стоилъ около 4-хъ франковъ, т. е. въ двѣсти разъ дороже, чѣмъ теперь стоитъ листъ самой лучшей англійской бумаги; вслѣдствіе этого въ Греціи чаще, нежели въ Римѣ, шли въ ходъ другіе матеріалы для писанія, между прочимъ, черепки (откуда получилъ свое названіе извѣстный судъ на черепкахъ — *остракизмъ*). Но и въ римскія времена на черепкахъ нацарапывали или рисовали кистью счеты, квитанціи, военные приказы и пр. Употреблялась также и кора дерева, береста *), какъ впослѣдствіи и у насъ на Руси; писали и на полотнѣ **). Но все это были исключенія, и въ библіотекахъ, какъ и въ канцеляріяхъ, папирусъ царствовалъ безраздѣльно.

Во второмъ столѣтіи до Рождества Христова у папируса явился соперникъ, впрочемъ, въ началѣ не особенно могущественный, разумѣю *пергаментъ*. Кожа издстари служила употребительнѣйшимъ матеріаломъ для писанія на всемъ почти востокѣ. По преданію, св. книги древнихъ персовъ были написаны на 1200 бычачьихъ кожахъ. Съ востока обычай писать на кожѣ перешолъ и въ Грецію; когда впослѣдствіи сталъ входить въ употребленіе папирусъ, іоняне, до тѣхъ поръ одни только умѣвшіе писать, называли и его кожею ***). Іудеи удержали до нашихъ дней обычай писать заповѣди для синагогъ на кожѣ; въ древнія времена они дѣлали изъ кожи такіе большіе свитки, что на нихъ умѣщалось все пятикнижіе Моисеево. Когда малоазійскій царь Эвменъ II (отъ 197 до 158 г. до Рождества Христова) основалъ въ Пергамѣ большую би-

*) Что береста когда-то была очень употребительна, видно изъ латинскаго названія книги (liber), которое означало также кору дерева.

**) Libri lintei—полотняныя книги были, по свидѣтельству Ливія, оффиціальными списками должностныхъ лицъ; онѣ хранились въ храмахъ.

***) Διφθέρα см. Нег. V, стр. 58.

бліотеку, александрійскіе Птоломеи, не желавшіе существованія соперницы для своей библіотеки, запретили вывозъ папируса, и Эвменъ устроилъ въ Пергамѣ фабрику для спеціальной выдѣлки кожъ, какъ матеріала для писанія. Пергаментъ былъ дороже папируса, но за то гораздо прочнѣе, и могъ исписываться съ обѣихъ сторонъ. Изъ него неудобно было дѣлать такія длинныя полосы, какъ изъ папируса, вслѣдствіе чего форма свитка замѣнилась другой—*книгой* въ листахъ, соединенныхъ одною стороною. Но потомъ запрещеніе, а за нимъ и монополія уничтожились, и папирусъ снова вошелъ во всеобщее употребленіе. Библіотека философа, которую нашли въ Геркуланумѣ, къ сожалѣнію, обуглившеюся, вся состояла изъ свитковъ папируса.

Въ греко-римское время былъ въ большомъ ходу еще особый матеріалъ, употреблявшійся, впрочемъ, не для книгъ, а для коротенькихъ записокъ (*письма* писались на папирусѣ)—навощенныя дощечки (codicilli, tabellae), на которыхъ писали стилемъ, т. е. острой палочкой. Обыкновенно ихъ было двѣ (отчего онѣ и назывались *диптихи*), каждая навощена была съ одной стороны; онѣ связывались вмѣстѣ, навощенной стороной внутрь, снуркомъ и иногда запечатывались; часто на одной табличкѣ писалась записка, а на другой отвѣтъ на нее. Упоминаются также тройныя, четвертныя и т. д. таблички, изъ которыхъ составлялся цѣлый кодексъ. Диптихи, роскошно украшенные рѣзьбою, консулы и др. важные чиновники имѣли обычай разсылать друзьямъ въ день своего вступленія въ должность. Они играютъ важную роль въ исторіи книги потому, что въ христіанское время дорогіе диптики покрывались съ внутренней стороны пергаментомъ, на которомъ писались списки епископовъ, государей и другіе важнѣйшіе документы. Если число пергаментныхъ листовъ увеличивалось, диптихъ превращался въ книгу въ роскошномъ переплетѣ.

У грековъ и римлянъ, не смотря на полное отсутствіе книгопечатанія, книжное дѣло стояло очень высоко. Въ большихъ городахъ Греціи были библіотеки въ тысячи томовъ; Александрійская библіотека, погибшая во времена Юлія Цезаря, заключала въ себѣ около полумилліона томовъ на разныхъ язы-

кахъ. Въ Римѣ при императорахъ были частныя библіотеки въ 30,000 томовъ и болѣе. Въ общественныхъ библіотекахъ Римской имперіи обыкновенно бывало два отдѣленія: латинское и греческое, подобно тому, какъ у насъ въ XVIII вѣкѣ римское и французское *).

Въ маленькомъ городкѣ Геркуланумѣ, въ библіотекѣ философа, о которой я уже упоминалъ, было 1,500 свитковъ. Богатые люди (какъ напр. Плиній Младшій) дарили своимъ роднымъ городамъ большія библіотеки. Римскіе писатели находили свои сочиненія въ книжныхъ лавочкахъ въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ имперіи. Въ самомъ Римѣ, кромѣ большихъ и малыхъ книжныхъ магазиновъ, было множество лавочекъ букинистовъ, которые держали свой товаръ на открытомъ воздухѣ. Книги *издавались*, какъ и у насъ, и извѣстные авторы получали даже гонораръ или, по крайней мѣрѣ, даровые экземпляры.

Какъ-же могли издавать книги безъ книгопечатанія, когда всякій новый экземпляръ рукописи стоилъ переписчику столько времени и механическаго труда, сколько и чистовой экземпляръ автору? Нужда научитъ.

Извѣстный писатель, положимъ, хоть Овидій, окончилъ новую поэму; онъ идетъ въ большой книжный магазинъ и заключаетъ условіе съ книгопродавцемъ. Тотъ, пріобрѣтя у него рукопись, относитъ ее въ обширную залу за магазиномъ, гдѣ сидятъ за столиками десятки, а иногда и сотни искусныхъ писцовъ, отчасти рабовъ, отчасти вольнонаемныхъ, передъ каждымъ изъ нихъ чистые свитки разной величины, двойныя чернильницы съ чернилами двухъ цвѣтовъ и хорошо очиненный тростникъ. По приказу хозяина они оставляютъ всякую другую работу; одинъ изъ нихъ входитъ на возвышеніе и начинаетъ диктовать вновь пріобрѣтенную поэму, и вотъ черезъ нѣсколько часовъ уже готово столько экземпляровъ поэмы, сколько писцовъ у книгопродавца **). Вечеромъ Овидій получалъ

*) Любопытный слѣдъ такого дѣленія сохраняется до сихъ поръ въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, гдѣ русскія книги безъ различія спеціальностей отдѣлены отъ иностранныхъ.

**) Число экземпляровъ, которое книгопродавецъ могъ пустить въ ходъ, обыкновенно считалось не десятками, а сотнями. Плиній Младшій даже говоритъ объ изданіи въ тысячу экземпляровъ.

условленное число экземпляровъ; утромъ на другой день на столбахъ и перекресткахъ красовалось объявленіе о появленіи у такого-то книгопродавца такой-то поэмы, а черезъ посредство *римской газеты* о томъ-же черезъ нѣсколько дней узнавали и самыя отдаленныя провинціи имперіи.

Да, гг., у римлянъ была своя ежедневная газета, такъ называемыя *Acta Diurna* или, для краткости, просто *Diurna*, положимъ, безъ передовыхъ статей и фельетоновъ, но за-то безъ грязной полемики и безъ газетныхъ утокъ. Она заключала въ себѣ краткія, но за то вѣрныя извѣстія о новыхъ законахъ, о перемѣнахъ въ администраціи, о политическихъ новостяхъ, о смертныхъ и другихъ случаяхъ, о зрѣлищахъ и, между прочимъ, о новыхъ книгахъ. Благодаря отличнымъ римскимъ дорогамъ и безукоризненному устройству почтъ, она получалась на Рейнѣ, въ нынѣшнемъ Кельнѣ, черезъ двое сутокъ послѣ выхода. Газета, какъ и книги, диктовалась сразу огромному количеству искусныхъ скорописцевъ. Насколько скоро работали римскіе писцы, видно изъ словъ сатирика Марціала *), который говоритъ, что вторую книгу его эпиграммъ писецъ переписываетъ въ одинъ часъ; эта книга заключаетъ въ себѣ 93 эпиграммы, которыя составляютъ 540 стиховъ, не считая заглавій; стало-быть, писецъ (librarius) писалъ по крайней мѣрѣ 9 стиховъ въ минуту. Разумѣется, эта изумительная скорость возможна только при условіи всѣмъ понятныхъ сокращеній, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ теперь прибѣгаютъ студенты, записывающіе лекціи прямо начисто и безъ посредства стенографіи.

Но у древнихъ была и стенографія и даже нѣсколькихъ системъ. Въ Римѣ въ наибольшемъ ходу были такъ называемые тироновскіе знаки (notae), изобрѣтенные вольноотпущенникомъ и воспитанникомъ, а потомъ помощникомъ и другомъ Цицерона Тулліемъ Тирономъ. Такія notae употреблялись въ судахъ и публичныхъ заведеніяхъ, и секретари, писавшіе ими, назывались *нотаріусами* **). Для книгъ эти значки, конечно, не годились.

*) II, 15. Haec. una peragit librarius hora.

**) Авзоній хвалитъ тахиграфовъ (скорописцевъ), поспѣвающихъ за словами оратора, а Квинтиліанъ жалуется на нихъ.

При множествѣ рабовъ, трудъ былъ вообще дешевъ въ Римѣ, стало быть, не были дороги и книги. Вышеупомянутый Марціалъ говоритъ, что его Ксеніи, занимающія теперь въ изданіи Тейбнера 14 убористыхъ страницъ, издатель Трифонъ продавалъ по 4 сестерціи, т. е. около 30 коп. даже при нынѣшнемъ курсѣ, и по словамъ сатирика, Трифонъ не былъ-бы въ накладѣ, еслибъ назначилъ даже вдвое меньшую цѣну. При незначительности гонорара и при полной возможности сомнительную книгу выпускать сперва въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, издатель почти ничѣмъ не рисковалъ, не терпѣлъ убытковъ ни на одной книгѣ и, стало быть, не долженъ былъ наверстывать ихъ на другой.

Кромѣ обыкновенныхъ дешевыхъ экземпляровъ, на полкахъ магазиновъ лежали и всякія чудеса каллиграфическаго искусства: были экземпляры, роскошно иллюстрированные; были компактныя книги, книжки-крошки; Цицеронъ видѣлъ экземпляръ Иліады, который могъ помѣститься въ скорлупѣ орѣха; упоминается полный экземпляръ Ливія (127 книгъ), уписанный въ одномъ томикѣ, и т. д.

Помимо книгъ красивыхъ и всякихъ курьезовъ, высоко цѣнились экземпляры, исправленные извѣстными грамматиками или самими авторами, особенно-же автографы писателей; эти автографы до книгопечатанія вовсе не составляли предмета любительской роскоши, а представляли единственный безукоризненно вѣрный экземпляръ. Еще въ Аѳинахъ въ государственномъ учрежденіи Акрополѣ складывали извѣстныя книги, очищенныя отъ ошибокъ. Въ Римѣ при большомъ книжномъ магазинѣ былъ одинъ или нѣсколько грамматиковъ, на обязанности которыхъ лежало исправленіе рукописей; исправивъ экземпляръ, они скрѣпляли его своею подписью.

Дороговизна автографовъ вызывала поддѣлки; поддѣлывались и подъ стиль писаря, и подъ его руку. По смѣлости литературныхъ обмановъ древніе не только не уступали намъ, но, по неразвитости критики, даже значительно насъ превосходили: были въ ходу письма Пріама, автографы Гомера и т. д. Плагіатъ, т. е. литературное воровство, былъ тоже въ ходу, только не въ такой степени: литература приносила меньше денежныхъ выгодъ.

Книжные магазины въ Римѣ, какъ у насъ въ эпоху Смирдина, служили мѣстомъ свиданія литераторовъ, ученыхъ и любителей литературы; при магазинахъ находились и кабинеты для чтенія, гдѣ за небольшую плату можно было просмотрѣть литературныя новинки или сличить свой экземпляръ съ исправленнымъ. Въ эпоху императоровъ подобные-же книжные магазины съ кабинетами и съ залой для переписчиковъ появляются почти во всѣхъ городахъ провинціи. Плиній Младшій съ удовольствіемъ узналъ, что въ отдаленномъ Ліонѣ его книги стоятъ, выражаясь по нашему, «на выставкѣ». Въ небольшомъ городѣ Помпеѣ уже откопали книжную лавку, при которой находилось помѣщеніе для писцовъ. Въ риторскихъ школахъ и даже во многихъ помѣщичьихъ замкахъ, имѣлись очень хорошія библіотеки.

На минуту позволяю себѣ отвлечься отъ внѣшней исторіи книги, которая составляетъ предметъ моей лекціи, чтобы заглянуть въ ея внутренность, и сказать два слова о положеніи писателя въ древнемъ, и спеціально въ римскомъ мірѣ; вѣдь это положеніе опредѣляется тѣмъ вліяніемъ, какое книга производитъ на общество. Тогда мгновенно потускнѣютъ блестящія краски, въ которыхъ обыкновенно изображается культура древняго міра, и раздушенный римскій аристократъ, все утро шатающійся по книжнымъ магазинамъ, держащій дома десятки рабовъ-либраріевъ и тысячи книгъ, способный изловить Виргилія на ошибкѣ въ просодіи и не говорящій десяти словъ безъ греческой цитаты, окажется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе варваромъ въ книжномъ дѣлѣ, нежели грубый крестоносецъ-солдатъ или малограмотный удѣльный князекъ русскій: тѣ, по крайней мѣрѣ, преклонялись хоть передъ одною книгою, и высоко чтили хоть одинъ видъ умственнаго труда; римлянинъ не дѣлалъ такихъ исключеній, и для него всѣ книги, конечно, кромѣ счетныхъ и подобныхъ имъ, были приблизительно тѣмъ-же, чѣмъ карты для петербургскаго чиновника, и онъ собиралъ книги такъ-же, какъ теперь любители собираютъ почтовыя марки разныхъ странъ и народовъ.

Здѣсь я не могу обойтись безъ примѣровъ; я возьму только два общеизвѣстныхъ, и съ перваго взгляда, говорящихъ про-

тивъ меня. Это—Цицеронъ и Горацій. Первый изъ нихъ изъ провинціальныхъ всадниковъ достигъ, благодаря своему литературному образованію и таланту, высшей ступени въ государствѣ и, не смотря на свой нестойкій характеръ и политическую близорукость, игралъ первенствующую роль въ исторіи своего времени; второй, сынъ вольноотпущенника, безславно потерявшій отцовское наслѣдство въ политической бурѣ и занимавшій незначительную должность квесторскаго писца, своими стихами, отнюдь не льстивыми, открылъ себѣ доступъ къ столу и сердцу полномочнаго министра Августа, былъ предметомъ зависти аристократовъ, получалъ лестныя предложенія отъ самого властителя міра, прожилъ весь свой вѣкъ въ довольствѣ и спокойствіи и не умеръ богачемъ только потому, что самъ не захотѣлъ этого.

Но еслибъ Цицеронъ ие выступилъ въ качествѣ адвоката, онъ не былъ-бы политическимъ дѣятелемъ; а еслибъ онъ не былъ консуломъ, не обличалъ Катилины, не являлся ораторомъ могучей политической партіи и ограничилъ-бы свою дѣятельность писаніемъ книгъ по теоріи и исторіи ораторскаго искусства и философскихъ трактатовъ, можетъ быть, до насъ не дошло-бы и самое имя его; во всякомъ случаѣ, онъ не былъ-бы извѣстнѣе Квинтилліана. Онъ тогда садится за книги, когда политическая волна выбрасываетъ его изъ города въ провинцію или въ деревню, и на свое писательство самъ смотритъ, какъ на отдыхъ, какъ на жизнь для себя. Его книги читались съ вниманіемъ къ содержанію такими-же отшельниками и мыслителями поневолѣ, какъ и онъ самъ; прочіе-же интересовались ими ради знаменитаго стиля, или ради еще болѣе знаменитаго имени автора.

Еслибъ Горацій не нашелъ друга и покровителя въ Меценатѣ, онъ и окончилъ-бы жизнь въ званіи квесторскаго писца. Въ своихъ умныхъ и тонко обдѣланныхъ одахъ и сатирахъ онъ слѣдуетъ за общественными идеалами, а не направляетъ ихъ; онъ примиряетъ общество съ существующимъ порядкомъ, и за это-то миролюбіе, соединенное съ прекраснымъ стилемъ, ему и предлагаютъ мѣсто домашняго секретаря императора, которое при наслѣдникахъ Августа зани-

мали грязные вольноотпущенники. Какъ мало это похоже на аѳинянъ, которые, говорятъ, назначили Софокла стратегомъ за то, что онъ вложилъ въ уста одного изъ своихъ героевъ прекрасный монологъ объ обязанностяхъ стратега!

Вообще въ Римѣ жизнь и литература шли независимо одна отъ другой, и напр. писаніе слащавыхъ идиллій въ то время, какъ происходила страшная революція монархизма, никого не поражало странностью. Были, правда, исключенія въ родѣ Ювенала и Тацита; но исключенія не измѣняютъ правила. Въ общемъ-же, вслѣдствіе этой отчужденности отъ жизни, римская литература, сравнительно съ греческой и новоевропейской, носитъ школьный, мертвенный характеръ.

Великое переселеніе народовъ и побѣда христіанства надъ язычествомъ произвели страшную революцію въ исторіи книги, такъ-же, какъ и во всѣхъ другихъ средахъ человѣческой жизни. Вторженіе варваровъ въ предѣлы имперіи на первое время, разумѣется, должно было имѣть только отрицательное вліяніе. Человѣку на низкой ступени развитія свойственно непріязненно относиться къ тому, чего онъ не понимаетъ, и нечему удивляться, что вандалы или гарулы, грабя римскій городъ, съ особеннымъ удовольствіемъ рвали на куски папирусные свитки или складывали изъ нихъ потѣшные костры. Распространеніе между ними христіанства вселило въ нихъ уваженіе къ книгѣ церковной, но не измѣнило къ лучшему ихъ отношенія къ свиткамъ, заключавшимъ мудрость древнихъ; напротивъ того: прежде они смотрѣли на эти свитки, какъ на непонятныя игрушки, истреблять которыя было удовольствіе; теперь-же, если въ ихъ рядахъ были фанатическіе аріанскіе священники или египетскіе старцы, сожженіе этихъ свитковъ представлялось имъ дѣломъ богоугоднымъ.

Высокочтимые вѣроучители цивилизованныхъ христіанъ, по отношенію къ этой языческой мудрости, раздѣлялись на двѣ партіи, соотвѣтственно времени, когда они жили, и условіямъ своего воспитанія. Одни изъ нихъ считали науку и поэзію древнихъ необходимымъ или, по крайней мѣрѣ—полезнымъ

элементомъ въ воспитаніи и умственномъ развитіи; другіе были убѣждены, что языческая мудрость приноситъ только вредъ душѣ и сердцу христіанина. Между этими двумя крайностями была средняя партія, члены которой стремились удержать *кое-что* изъ античной науки и поэзіи и именно такое, что, не вредя душѣ, было-бы полезно для ума и чувства. Они стремились влить вино новое въ мѣхи старые, составляли изъ Гомеровскихъ гекзаметровъ поэмы о земной жизни Христа и изъ Эврипидовыхъ стиховъ—трагедію о Его страданіяхъ, или въ диптихахъ и эподахъ собственной работы излагали основы христіанской догматики и морали. Другіе, менѣе сознательные члены той же партіи. не обращая вниманія на форму, спѣшили, будто предчувствуя надвигавшуюся тьму варварства, составлять извлеченія, сокращенія изъ научныхъ сочиненій древнихъ, сочинять сборники и энциклопедіи. Эти энциклопедіи и сокращенія принесли человѣчеству свою долю пользы и долю довольно значительную: благодаря имъ, и средніе вѣка сохранили порядочный запасъ научныхъ свѣдѣній, и новому человѣчеству не пришлось начинать сначала. Благодаря имъ, до насъ дошли отрывки древнихъ писателей, которыхъ безъ такихъ посредниковъ мы, можетъ быть, не знали-бы и по имени. Но нѣтъ добра безъ зла, и эти извлеченія заставляли забрасывать безъ вниманія ихъ оригиналы: если изъ многихъ свитковъ Тита Ливія составлена удобная карманная книжка, заключающая въ себѣ, по убѣжденію автора, все необходимое, что мѣшаетъ отдать пыльные свитки на подтопку печей? Во времена Августа, одинъ грамматикъ Веррій Флаккъ, бывшій нѣкоторое время учителемъ внука императора, составилъ большой словарь латинскаго языка *), содержавшій въ себѣ всѣ слова, не исключая и устарѣлыхъ, съ цитатами изъ авторовъ. Еслибъ этотъ словарь дошелъ до насъ, онъ былъ-бы величайшею драгоцѣнностью для филологовъ. Позднѣе его считали слишкомъ большимъ и неудобнымъ; три столѣтія спустя, Помпей Фестъ сократилъ его; но и его сокращеніе казалось черезъчуръ обширнымъ, и Павелъ Дьяконъ при Карлѣ Великомъ

*) Подъ заглавіемъ: De verborum significatione.

сдѣлалъ сокращеніе изъ этого сокращенія. Только трудъ Павла Дьякона дошелъ до насъ, но значеніе его въ глазахъ науки сравнительно очень ничтожно.

Христіанскіе вѣроучители, по самой твердости и опредѣленности своихъ убѣжденій, были болѣе строгими цензорами, нежели древніе, и всѣ три выше поименованныя партіи сходились въ томъ, что книги, противныя христіанству или православію, а также и книги, вредныя для нравственности, должны быть истребляемы. Поэтому сочиненія противниковъ христіанства дошли до насъ только въ отрывкахъ, сохраненныхъ у апологетиковъ, а книги Арія совсѣмъ исчезли; сохраненіемъ-же важныхъ литературныхъ и культурно-историческихъ памятниковъ въ родѣ Апулея, Лукьяна, Петронія (послѣдняго въ отрывкахъ) мы, вѣроятно, обязаны невѣжеству переписчиковъ, которые не понимали, что писали.

Въ общемъ средніе вѣка, конечно, представляютъ регрессъ въ исторіи развитія книжнаго, и черезъ четыре, пять столѣтій послѣ паденія Западной Римской имперіи, во многихъ изъ тѣхъ городовъ римскихъ провинцій, гдѣ когда-то были десятки школъ и сотни частныхъ коллекцій книгъ, не считая магазиновъ и общественной библіотеки, теперь трудно было найти хоть одну рукопись литературнаго или научнаго содержанія. Не говоря про замки бароновъ, въ которыхъ книга была почти такимъ-же незнакомымъ инструментомъ, какъ и электрическая машина, даже во дворцахъ богатыхъ епископовъ часто единственнымъ представителемъ умственной культуры былъ затасканный служебникъ. Но все-же и въ этомъ отношеніи средніе вѣка не были такой эпохой духовной тьмы и грубаго варварства, какъ думали Вольтеръ и его современники.

Наша наука, въ послѣднее время, находитъ смыслъ и глубокій историческій интересъ въ житіяхъ, описаніяхъ чудесъ и легендахъ, которыя сто лѣтъ назадъ считали ни на что ненужнымъ хламомъ; наивныя мудрствованія и морализаціи средневѣковыхъ теологовъ оказываются чрезвычайно важными для пониманія въ высшей степени оригинальнаго церковнаго и полуцерковнаго средневѣковаго искусства; нечего и говорить про свѣтскую поэзію, которая по богатству своему во много

разъ превосходитъ классическую. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ были любители и труженики книжнаго дѣла, сначала въ монастыряхъ, а потомъ въ большихъ, преимущественно университетскихъ, городахъ. Я скажу предварительно нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ средневѣковой книги, а потомъ перейду къ очерку ея исторіи.

Папирусная бумага, бывшая, какъ мы видѣли, главнымъ и дешевымъ матеріаломъ для книги римской, продержалась довольно долго, но далеко не имѣла прежней распространенности. Вслѣдствіе политическихъ неурядицъ, многія фабрики ея закрылись еще до нашествія арабовъ на Африку, но и послѣ арабскаго завоеванія выдѣлка папируса не совсѣмъ прекратилась. Встрѣчаются папирусныя грамоты и небольшія рукописи въ VII, VIII и даже до X и XI столѣтій, происходящія преимущественно изъ Италіи; въ особенности долго держался папирусъ въ папской канцеляріи. Папирусъ окончательно исчезаетъ съ XII вѣка, когда появилась болѣе дешевая бумага.

Впрочемъ, папирусъ по своей непрочности былъ и не особенно удобенъ для тѣхъ книгъ, которыя были въ наибольшемъ ходу въ началѣ среднихъ вѣковъ: для священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ болѣе подходилъ пергаментъ, какъ матеріалъ вѣковѣчный *). Для евангелій и другихъ богослужеб-

*) Считаемъ не лишнимъ привести въ дословномъ переводѣ одинъ изъ первыхъ документовъ, касающійся изготовленія въ большомъ количествѣ книгъ этого рода и вида. Это письмо императора Константина Великаго къ Евсевію, епископу Кесаріи:

«Побѣдоносный Константинъ, великій Августъ, Евсевію.

«Въ соименномъ намъ городѣ (т. е. въ только-что основанномъ Константинополѣ), при содѣйствіи Божественнаго Провидѣнія, великое множество людей присоединилось къ святѣйшей церкви. Такъ какъ въ немъ все получаетъ великое преумноженіе, очень важнымъ представляется также устроить въ немъ многіе храмы. И такъ, покажи готовность способствовать нашему предначертанію. Ибо приличнымъ намъ кажется объявить твоей премудрости, чтобы ты приказалъ художникамъ каллиграфамъ, доподлинно знающимъ это искусство, написать 50 книгъ (σωμάτια) на выдѣланной кожѣ (ἐν αἰθέροις ἐγκαταδικτόνις), легко читаемыхъ и *удобопереносимыхъ*, именно св. писанія, которыя ты признаешь необходимыми для церкви. Послана отъ нашей кротости грамота къ правителю провинціи, чтобы онъ озаботился доставкою всего необходимаго для приготовленія этихъ книгъ, а твоей заботливости предоставъ-

ныхъ книгъ его обдѣлывали не всегда искусно, но очень старательно *), иногда (преимущественно отъ III в. до VII. но въ видѣ исключенія и до XIV) его окрашивали въ красную краску. Писали крупно, четко и красиво; въ отдѣлкѣ заглавныхъ буквъ доходили до высокой художественности; ихъ раскрашивали золотомъ и другими красками **). Иногда и всю рукопись отъ первой строчки до послѣдней писали разведеннымъ серебромъ, а большія буквы – золотомъ. Книги украшали иллюстраціями, такъ называемыми миніатюрами (отъ слова minium—сурикъ, наибольше употребительная въ раннихъ миніатюрахъ краска ***). Орудіемъ для писанія въ началѣ попрежнему служилъ очиненный тростникъ; съ VII столѣтія входятъ въ употребленіе перья.

Дороговизна пергамента заставляла иногда прибѣгать къ варварскому пріему — смыванію и очисткѣ прежняго текста, чтобы на его мѣстѣ написать новый. Такимъ образомъ, являлись такъ называемые *палимпсесты* ****), на которыхъ съ по-

---

ляется возможно скорѣйшее приведеніе этого дѣла къ концу. Въ силу этой грамоты, ты имѣешь взять *двѣ казенныя подводы для перевозки ихъ*. Когда книги будутъ хорошо написаны, одинъ изъ дьяконовъ твоей церкви доставитъ ихъ къ намъ на вышеуказанныхъ подводахъ, и когда онъ прибудетъ къ намъ, онъ щедро воспользуется нашей милостью. Сохрани тебя Боже, братъ возлюбленный! (См. Παπαρρηγοπουλου: Ιστορια του ελληνικου εθνους Αθ. 1865. II, 590).

*) Въ Византіи писцы покупали его совсѣмъ готовымъ; на западѣ большею частью сами приготовляли его. Вотъ какъ описываетъ эту работу одинъ проповѣдникъ конца XI или начала XII вѣка: «Вы знаете, какъ поступаетъ писецъ?—сперва онъ бритвою очищаетъ пергаментъ отъ жира и снимаетъ большія пятна; потомъ пемзою счищаетъ совершенно волосы и жилы. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то буквы не войдутъ въ него или недолго продержатся. Потомъ онъ прикладываетъ линейку, чтобы сохранять порядокъ въ писаніи». (Wattenbach: Das schrifwesen in Mittelalter. Lpz. 1871, стр. 130).

**) Заглавія еще у римлянъ писали красными чернилами, откуда и названіе—*рубрика* (отъ ruber).

***) Даже самый краткій обзоръ средневѣковой миніатюры и орнаментики рукописей завлекъ-бы насъ слишкомъ далеко. Для желающихъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ въ общихъ чертахъ рекомендуемъ главу: Malerei (стр. 196 и слѣд.) въ вышеупомянутой книгѣ Ваттенбаха и практично составленную книжку Lecoy de la Marche въ Bibl. de l'enseignements des beaux arts (Les Manuscrits et la Miniature).

****) Они были въ ходу еще въ древности, какъ видно напр. изъ Cic. Ep. fam. 7, 18 (съ папируса чернила смывались очень легко, но не безъ слѣдовъ).

мощью химическихъ манипуляцій въ настоящее время выучились возстановлять первоначальный текстъ; къ сожалѣнію, эти химическіе реагенты портятъ рукопись и даже совсѣмъ разрушаютъ ее, но въ послѣднее время успѣхи фотографіи даютъ возможность сохранить вѣрное ея воспроизведеніе. Палимпсесты встрѣчаются главнымъ образомъ отъ VII до XIII столѣтія, т. е. до распространенія бумаги.

Бумага изъ хлопчатника существовала у китайцевъ съ незапамятныхъ временъ и стала извѣстна арабамъ при завоеваніи Самарканда въ 704 г.; послѣ этого ее начали выдѣлывать на мусульманскомъ востокѣ, главнымъ образомъ въ Дамаскѣ. Эта бумага, извѣстная подъ названіемъ *бомбицина* и отличавшаяся отъ нашей большей толщиной, ломкостью и дороговизной, отъ арабовъ перешла къ грекамъ, а отъ грековъ на Русь и въ западную Европу, гдѣ она называлась иногда греческимъ пергаментомъ *).

Наша бумага, льняная или тряпичная, уже идетъ съ востока; отъ арабовъ, которые употребляли ее уже въ XII столѣтіи, она переходитъ къ испанцамъ, а отъ нихъ въ Италію и южную Францію. Дешевизна быстро ввела ее во всеобщее употребленіе; но люди не любятъ рѣзко разставаться съ стариной, и пергаментъ держался почти до нашихъ дней: на немъ писали и печатали въ XVI столѣтіи, а для почетныхъ дипломовъ онъ употреблялся до послѣдняго времени.

Чтобы потомъ не возвращаться въ мусульманскій міръ, скажу теперь-же, что въ тѣ пять столѣтій, когда мусульмане превосходили христіанъ умственнымъ развитіемъ, естественно, и книжное дѣло стояло у нихъ неизмѣримо выше. Въ Испаніи насчитывали 70 общественныхъ библіотекъ, и въ Кордовской библіотекѣ было, говорятъ, до 400,000 томовъ, т. е. по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше, нежели въ Одесской публичной библіотекѣ. Не надо, впрочемъ, забывать, что даже самыя роскошныя мусульманскія рукописи не допускаютъ миніатюръ.

Въ средніе вѣка, какъ видно изъ разсказа Fra Salimbene—«bene radere charas», считалось особеннымъ искусствомъ, которому учились у учителей.

*) Древнѣйшій памятникъ, на ней написанный, грамота короля Рожера Сицилійскаго отъ 1102 г.

Отъ V до IX вѣка въ западной Европѣ книжное дѣло существуетъ, такъ сказать спорадически: то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, благодаря трудамъ одного книголюбца или цѣлой школы таковыхъ, дѣятельно списываютъ старыя книги и составляются новыя, преимущественно поучительныя или историческія. Такъ, въ VI вѣкѣ извѣстный Кассіодоръ, составитель нѣсколькихъ энциклопедій, покинувъ міръ, устроилъ въ одномъ изъ калабрійскихъ монастырей цѣлый институтъ писцовъ. Такъ, въ VII столѣтіи чтеніе и книгописаніе процвѣтали въ ирландскихъ монастыряхъ, и ирландскіе миссіонеры разносили свои книги по всему материку Европы. Ирландцевъ смѣнили ихъ побѣдители англосаксы; знаменитый Алкуинъ до своего переселенія къ Карлу Великому занималъ въ Іоркѣ должность преподавателя и библіотекаря Іоркской школы; въ ней учениковъ считали тысячами, а книги, конечно, десятками тысячъ. Послуживъ Карлу, Алкуинъ дѣлается аббатомъ Турскаго монастыря (во Франціи); тамъ онъ расширяетъ школу и устраиваетъ богатую библіотеку.

Несмотря на всѣ ужасы, пережитые міродержавнымъ Римомъ во время Алариха и Гензериха, онъ всетаки и оставался въ VII и VIII вѣкахъ главнымъ книжнымъ рынкомъ; сюда обращались за умственной пищей и съ береговъ Темзы, и съ береговъ Рейна и даже Дуная *). Сюда-же посылалъ за книгами и за художниками и Карлъ Великій.

Просвѣтительная дѣятельность Карла не принесла тѣхъ блестящихъ результатовъ, на которые онъ разсчитывалъ, но она и не прошла безслѣдно. Съ IX вѣка, не смотря на всѣ политическія бури и неустройства, въ любой моментъ можно указать въ западной Европѣ нѣсколько уголковъ, гдѣ ученье и книга въ большомъ почетѣ, да и повсемѣстно монастырская школа открываетъ путь къ епископской митрѣ, а митра — къ княжескому престолу или большой канцлерской печати.

Съ IX вѣка приблизительно до середины XII продолжается второй періодъ въ исторіи средневѣковой книги, когда она чувствуетъ себя дома за крѣпкою каменною оградою мона-

*) Wattenbach, o. c. 295.

стыря и только изрѣдка посѣщаетъ епископскіе дворцы и дворы немногихъ любителей—князей.

Въ монастырѣ жизнь тихая, время дешевое. Надъ книгой работаютъ неспѣша, и если стараются писать мельче и съ сокращеніями, то не изъ экономіи труда, а изъ экономіи пергамента. Писаніе считалось дѣломъ очень труднымъ, но за то въ высшей степени душеспасительнымъ *). Чтеніе книгъ часто сопровождалось писаніемъ замѣтокъ на читаемой книгѣ; пишутъ *глоссы* и подстрочные переводы (Interlinealversionen), отчасти по внутреннему безсознательному побужденію, отчасти для удобства и поученія будущихъ читателей. Подстрочные переводы остались теперь только въ ученическихъ книжкахъ, а образчики современныхъ глоссъ, въ видѣ-ли выраженія личнаго мнѣнія или въ видѣ объективныхъ примѣчаній, можетъ видѣть всякій, кто беретъ книги въ старой библіотекѣ для чтенія.

Теперь гг. глоссаторы только книги пачкаютъ, за что и подвергаются штрафамъ, а въ средніе вѣка ихъ роль была гораздо серьезнѣе: иногда глоссы составляютъ древнѣйшіе памятники нарѣчій Европы и часто даютъ драгоцѣнные мате-

*) Какъ западный міръ смотрѣлъ на заслуги писцовъ, всего яснѣй можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Ордерика Виталія († 1142 г. Ordericus Vitalis Angligena Uticensis monachus: Historiae ecclesiasticae libri XIII): Одинъ монахъ велъ очень дурную и грѣховную жизнь, но самъ въ видѣ эпитиміи наложилъ на себя трудъ переписать толстый кодексъ св. писанія. Когда онъ умеръ, дьяволы потребовали его душу себѣ; но ангелъ принесъ къ престолу Судьи его рукопись. Рѣшено было счесть число написанныхъ буквъ, и такъ какъ число это на одну единицу превысило число его грѣховъ, то дьяволамъ было отказано, и монахъ возвратился къ жизни, чтобы искупить свои грѣхи покаяніемъ. А быть-бы ему въ гееннѣ огненной, если-бы онъ пропустилъ хоть одну лишнюю букву, замѣчаетъ разсказчикъ.

Высокое уваженіе средневѣковаго человѣка къ книгѣ видно и изъ характернаго сравненія, которое дѣлаетъ извѣстный Цезарій Гейстербахъ. Онъ говоритъ: «Христосъ есть книга живота... на кожѣ тѣла его были написаны меньшія и черныя буквы синебагровыми рубцами бичей, заглавныя красныя буквы—вбиваніемъ гвоздей, точки и запятыя были изображены уколами тернія. Та-же кожа его предварительно была какъ-бы пемзою вытерта, вслѣдствіе многихъ ударовъ, заушеніями и плевками, какъ мѣломъ натерта и тростникомъ налинована. (Dial. Mir. 8,35). Другой проповѣдникъ еще обстоятельнѣй проводитъ такую параллель между книгою и Богородицей. См. Wattenbach o. c. 130—1.

ріалы для исторіи культуры; за-то иной разъ современные намъ ученые должны долго ломать себѣ голову, чтобы отдѣлить непрошенный трудъ глоссатора отъ первоначальнаго текста, если послѣдній дошелъ до насъ въ копіи наивнаго переписчика, который внесъ глоссу въ средину книги.

Перепискою и украшеніемъ книгъ занимались и благочестивыя женщины; многія изъ нихъ прославились книгописаніемъ, и на миніатюрахъ нерѣдко встрѣчаются изображенія монахини или аббатиссы, подносящей свой трудъ Богоматери.

Наивное усердіе монастырскихъ переписчиковъ и переплетчиковъ породило особый родъ книгъ, родъ, который по богатству своихъ представителей, какъ на западѣ, такъ и въ Россіи, уступаетъ только книгамъ богослужебнымъ; это *сборники*, прародители нашихъ толстыхъ журналовъ. Они написаны или одной рукой, или состоятъ изъ тетрадокъ разныхъ рукъ, но одного формата, соединенныхъ подъ одинъ переплетъ. Иногда составитель сборника руководствовался извѣстной идеей, напр. собиралъ поученія одного вѣроучителя или чудеса одного святого, которыя онъ соединялъ съ его житіемъ и службой ему; но часто никакой подобной идеи у составителя не было, и рядомъ съ записанной пѣсней мы находимъ кухонный рецептъ, а потомъ житіе безъ конца, потомъ благочестивое поученіе, потомъ отрывокъ лѣтописи или выписки изъ классика. Закончивъ весь этотъ винегретъ, писецъ съ облегченнымъ сердцемъ расписывался и приписывалъ иногда традиціонный стихъ:

Explicit hic totum
Per Christum da mihi potum.

Т. е этотъ все изложилъ, ради Христа дай мнѣ всепитье. Но гораздо чаще краткія приписки болѣе соотвѣтствовали благочестивому и смиренному духу времени: «Благодареніе Богу. Аминь». (Deo gratias. Amen), какъ стереотипная фраза, перешла и въ первопечатныя изданія. «По окончаніи книги, да воздастся благодарность Христу. Имени писца не ставлю, такъ какъ не хочу хвалиться».

(Expleto libro, referatur gratia Christo.
Nomen scriptoris non pono, quia ipsum laudare nolo).

Заключаетъ одинъ скромный труженикъ, но плохой поэтъ. И т. п.

Въ греческихъ сборникахъ, когда приводится апокрифическая, т. е. неодобряемая церковью, статья, часто на поляхъ бываетъ замѣтка: «запрещается читать въ церквахъ, а слѣдуетъ сжечь» (κατακαίελο); но какъ сжечь книгу, когда въ ней столько благочестивыхъ статей! Ее оставляли въ цѣлости, а слѣдующій переписчикъ вносилъ замѣчаніе строгаго цензора въ самый текстъ.

Если западному монаху попадалась въ римскомъ классикѣ греческая фраза, онъ, не умѣя переписать ее, ставилъ только двѣ буквы: gr или наивно объяснялъ—graecum est, non legitur, т. е. по гречески, прочесть нельзя.

Монастырскія библіотеки пополнялись другъ изъ друга, пересылаясь рукописями; а такъ какъ многіе монастыри по уставу вовсе не выдавали книгъ, то чаще монахъ, взявъ съ собою связку пергаментныхъ листовъ, отправлялся черезъ горы и лѣса, чтобы списать книгу и оставить свой трудъ на пользу духовнымъ наслѣдникамъ. Къ извѣстнымъ знатокамъ-монахамъ присылали книги на исправленіе *). Епископамъ и частнымъ лицамъ иногда выдавали книгу для чтенія или списыванія подъ денежный залогъ; иногда богослужебную книгу выдавали частному лицу для пожизненнаго пользованія за ежегодную плату.

Книги монастырскія считались сокровищемъ, и если ихъ было немного, онѣ хранились въ ризницѣ вмѣстѣ съ драгоцѣнными церковными сосудами **). Иныя изъ нихъ—книги богослужебныя — были и на самомъ дѣлѣ сокровищами не только по содержанію своему, но и по многоцѣннымъ переплетамъ—окладамъ. Въ тяжелые годы монастыри иногда закладывали свои книги даже евреямъ, иногда продавали тѣ изъ нихъ, безъ которыхъ могли обойтись.

*) Про аббата Вильгельма изъ Гиршау Тритемій разсказываетъ подъ 1070 годомъ, что онъ опредѣлилъ въ переписчики 12 монаховъ и поставилъ надъ ними одного весьма ученаго человѣка, «чтобы онъ исправлялъ ошибки небрежно пишущихъ» (qui menda negligentius scribentium emendaret).

**) Въ моск. синодальной библіотекѣ до сихъ поръ главный ея начальникъ есть въ то-же время и ризничій.

Небольшія коллекціи почти исключительно изъ богослужебныхъ книгъ были и при городскихъ церквахъ; онѣ составлялись главнымъ образомъ изъ пожертвованій благочестивыхъ прихожанъ, которые часто складывались по нѣскольку человѣкъ, чтобы заказать хорошему переписчику книгу; въ такомъ случаѣ ихъ имена вписывались въ нее-же на вѣчное поминовеніе.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ повсемѣстно въ западной Европѣ крайній спиритуализмъ перестаетъ быть господствующимъ направленіемъ, и мірскіе, жизнерадостные интересы человѣка вступаютъ въ права свои. Поэзія и даже исторіографія изъ рукъ духовенства переходитъ въ руки свѣтскихъ людей; церковная латынь начинаетъ понемногу уступать мѣсто языкамъ народнымъ, и въ лучшихъ людяхъ общества пробуждается неутомимая жажда знанія. Тогда въ исторіи средневѣковой книги наступаетъ *третій періодъ*, который можно назвать университетско-городскимъ. И въ этотъ періодъ монастыри не прекратили, конечно, своей книгописной дѣятельности, и въ богатѣйшихъ изъ нихъ по-прежнему скрипятъ ежедневно десятки перьевъ; но центрами просвѣщенія, а стало-быть и письменности, становятся города, особенно имѣвшіе въ себѣ большія школы.

Первымъ по значенію университетомъ въ Европѣ былъ университетъ парижскій; одновременно съ нимъ развивались высшія школы Италіи, въ городахъ которой никогда грамотность и книжная культура не падали такъ низко, какъ по ту сторону Альпъ. Гдѣ есть студенты, тамъ есть и въ значительномъ количествѣ книги, должны быть и зачатки книжной торговли. Въ XIII вѣкѣ при университетахъ былъ особый видъ должностныхъ лицъ, такъ называемые stationarii; они давали студентамъ списывать рукописи, брали книги на коммиссію отъ ростовщиковъ евреевъ, которые сами не имѣли права торговать книгами, а также отъ студентовъ, выселявшихся изъ города: въ нѣкоторыхъ университетахъ былъ строго запрещенъ вывозъ книгъ; эта мѣра, весьма стѣснительная для иностранцевъ,

*) Отъ лат. *statio*—помѣщеніе для писцовъ.

имѣла однако-же свое разумное основаніе: благодаря ей, учебники были не дороги и запасъ ихъ все увеличивался. Стаціонаріи, въ рукахъ которыхъ скоплялось иногда помногу книгъ, являются, стало-быть, первыми книгопродавцами въ новой Европѣ; но они еще не купцы, а чиновники; они подчинены университету и съ торговлей книгами часто соединяли обязанности педелей. Остатки этого института можно до сихъ поръ отыскать даже въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ, гдѣ у какого-нибудь стараго служителя или черезъ его посредство можно купить и старые курсы литографированныхъ лекцій, и нѣкоторыя пособія.

Въ началѣ XIV вѣка въ Парижѣ книгопродавцы въ собственномъ смыслѣ уже отдѣлились отъ стаціонаріевъ; но и они приносили присягу университету и были подчинены его вѣдѣнію; это обстоятельство, разумѣется, до извѣстной степени оберегало тощіе карманы студентовъ и профессоровъ отъ ихъ произвола *). Были также и присяжные продавцы писчихъ матеріаловъ. Въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтія въ Парижѣ, конечно, въ латинскомъ кварталѣ, цѣлые дома и переулки были заселены переписчиками, каллиграфами, переплетчиками, миніатюристами (иначе иллюминаторами), пергаментщиками, продавцами бумаги и пр. Изъ такого большого города, какъ Парижъ, нельзя было запретить вывоза книгъ, и теперь сюда ѣздятъ за книгами, какъ прежде въ Римъ. Уже Герсонъ жалуется, что столица Франціи скоро распродастъ всѣ свои умственныя сокровища. Въ Лондонѣ каллиграфы и переписчики (text-writers) въ 1403 г. соединились въ особый цѣхъ; то-же мѣстами было и въ Голландіи. Въ Италіи въ XV вѣкѣ были книгопродавцы, содержавшіе при своемъ магазинѣ массу писцовъ и слѣд. способные издавать и переиздавать книгу. Въ Германіи книгами торговали главнымъ образомъ городскіе писцы и школьные учителя.

Увеличеніе количества рукописей, естественно, повліяло неблагопріятно на ихъ качество и на степень уваженія къ нимъ. Большинство книгъ пишется небрежно, не только безъ

*) Во время ранней молодости автора, при московскомъ университетѣ еще была университетская книжная лавка.

миніатюръ и заставокъ, но даже почти безъ прописныхъ буквъ; книги перестаютъ быть драгоцѣнностью: владѣльцы часто обращаются съ ними такъ-же «запросто», какъ мы теперь. Очень любопытны жалобы, которыя одинъ книголюбецъ начала XIV столѣтія *) влагаетъ въ уста самимъ книгамъ: «Когда-то насъ высоко цѣнили», плачутся несчастныя: «а нынче мы должны уступать свое мѣсто собакамъ и соколамъ, и кромѣ того двуногое животное, называемое женщиной (bestia bipedalis, scilicet mulier) постоянно побуждаетъ владѣтелей продавать насъ. Она гонитъ насъ не безъ причины и ненавидѣла-бы еще сильнѣй, еслибъ знала, что въ насъ написано **). Пропалъ нашъ природный блескъ; насъ покрываетъ пыль; тѣла наши ѣстъ червь, и никто не воззоветъ къ намъ: «Лазарю! гряди вонъ!»

Но эти жалобы старыхъ книгъ на худыя времена, какъ обыкновенно жалобы стариковъ—справедливы только отчасти. Правда, во многихъ монастыряхъ, гдѣ 100, 200 лѣтъ назадъ книжное дѣло занимало много рукъ и головъ, теперь книги лежали ворохомъ въ самомъ дальнемъ углу ризницы, но зато въ свѣтскомъ обществѣ книга уже не была ни страшилищемъ, ни рѣдкостью. Правда, что студенты обращались съ своими учебниками не особенно почтительно; но эти учебники, по небрежности написанія, пожалуй, и не заслуживали лучшаго обращенія. За то возросло число библіотекъ, доступныхъ если не всѣмъ, то многимъ, и ежедневно умножалось число коллекцій богатыхъ любителей; а для этихъ библіотекъ и коллекцій книги писались на заказъ, и никогда не отдѣлывались онѣ съ такой роскошью, какъ въ XIV и особенно въ XV столѣтіи. Во Франціи уже Людовикъ св. составилъ библіотеку изъ сотни книгъ. Его біографъ разсказываетъ, что когда ему представлялся случай купить книгу, онъ предпочиталъ заказать съ нея копію, чтобы оригиналъ могъ попрежнему гулять по свѣту. Король Карлъ V собралъ библіотеку въ 1,200

*) Richard de Bury. О немъ см. у Wattenbach'a о. с. стр. 304 и слѣд.

**) Книги не совсѣмъ неправы: въ одномъ изъ сборниковъ Вѣнской библіотеки есть, напр., статья, озаглавленная такимъ образомъ: «quod quaevis mulier a natura meretrix est».

томовъ; конечно, это немного сравнительно съ 400,000 томовъ Кордовской библіотеки, но надо имѣть въ виду, что навѣрно треть книгъ въ библіотекѣ Карла имѣла миніатюры и слѣдовательно, кромѣ литературнаго, представляла еще художественный интересъ. Братъ короля Карла герцогъ Беррійскій тоже собралъ коллекцію до 300 томовъ, и о немъ документально извѣстно, что онъ заказывалъ свои книги лучшимъ писцамъ и миніатюристамъ. Трудъ этихъ людей былъ не дешовъ: извѣстны случаи, что за хорошую копію большой книги платили до 1,000 франковъ и болѣе. Въ концѣ XV вѣка художникамъ, которые иллюстрировали такъ называемый Бревіарій Гримано, было заплачено по тогдашней цѣнѣ денегъ цѣлое состояніе. Но иныя книги и безъ миніатюръ не могли быть дешевы по самому своему объему: энциклопедія Викентія Бове, такъ наз. «Зерцало Великое»—въ это время опять пошла мода на энциклопедіи: подводились итоги средневѣковой мудрости — даже въ печати занимаетъ 4 огромные фоліанта по 1,000 слишкомъ листовъ каждый, въ два убористыхъ столбца. Подъ залогъ одной части его (Зерцала Историческаго) баронъ Бухгеймъ въ половинѣ XV столѣтія получилъ отъ закладчиковъ 80 гульденовъ. Подобныя книги иногда мѣняли на лошадей и даже на земельную собственность. Болѣе дешевымъ образомъ пріобрѣтали книги отъ обѣднѣвшихъ монастырей, отъ закладчиковъ и отъ бродячихъ клериковъ (вагантовъ), которые часто оставляли свои служебники по гостинницамъ и кабакамъ, вмѣсто платы за продовольствіе.

Въ XV вѣкѣ, наканунѣ изобрѣтенія книгопечатанія, не говоря уже про Италію, куда греки, спасшіеся отъ турокъ, заносили книги тысячами и гдѣ возрожденіе древности внесло въ умственную жизнь безпримѣрное оживленіе, во всѣхъ большихъ городахъ средней Европы книжное дѣло стояло очень высоко: почти вездѣ были общественныя библіотеки, изъ которыхъ иныя книги выдавались на домъ (libri vagantes); другія же, особенно цѣнныя и объемистыя, прикрѣплялись къ письменнымъ столикамъ крѣпкими цѣпями. Почти вездѣ были книгопродавцы и общества переписчиковъ, старавшіеся удовлетворить не только богатыхъ любителей, но и людей сред-

няго состоянія молитвенниками, книжками поучительными и даже забавными. Даже богато-украшенные экземпляры писались не всегда по заказу, но и на продажу, какъ видно изъ находимыхъ кое-гдѣ пустыхъ мѣстъ для герба владѣльца.

Достаточно будетъ, мнѣ кажется, указать на тотъ фактъ, что даже въ нашей Императорской публичной библіотекѣ латинскія и французскія рукописи XV столѣтія считаются многими сотнями и между ними много часослововъ и популярныхъ романовъ, украшенныхъ великолѣпными миніатюрами. Насколько силенъ былъ умственный голодъ, мы увидимъ по необыкновенной быстротѣ распространенія книгопечанія; очевидно, что еслибъ не изобрѣли этого способа умножать и удешевлять книги, выдумали-бы какой-нибудь другой.

Перехожу къ послѣдней части моей сегодняшней лекціи, къ книгописанію въ Россіи.

Книга пришла къ намъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ и оттуда-же, откуда и христіанство, т. е. изъ Византіи. Но любопытно, что въ нѣкоторыхъ чертахъ ея исторія на Руси больше сходится съ исторіей книги средне-европейской, нежели византійской. О византійской книгѣ я не имѣю времени распространяться; укажу только на фактъ, a priori ясный: въ странѣ съ древней цивилизаціей, столица и центры которой были хорошо защищены отъ напора грубаго варварства, античная книжная культура держалась долго на высотѣ, въ другихъ частяхъ Европы неизвѣстной. Книгъ было много; содержаніе ихъ было разнообразно; литературное образованіе было дѣломъ обычнымъ не для одного духовенства *). За то къ концу среднихъ вѣковъ, когда на западѣ такъ сильно замѣтенъ прогрессъ книжнаго дѣла, выражающійся и въ количествѣ, и въ качествѣ книгъ, здѣсь, напротивъ, наблюдается, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ политическихъ условій, движеніе регрессивное.

Кіевскіе князья входятъ въ близкія и непосредственныя связи съ Царьградомъ и принимаютъ отъ него христіанство

*) Для желающихъ ознакомиться съ византійской книжной культурой слѣдуетъ прежде всего указать на 2-ую часть изслѣдованія. Rambaud: L'empire grec au X-me s. etc. Paris. 1870.

въ лучшее время развитія византійской культуры, переработавшей по-своему остатки культуры античной, въ эпоху македонской династіи, когда писали Фотій, Метафрастъ и Константинъ Порфирородный. Но Русь принимаетъ оттуда книги, почти исключительно богослужебныя и благочестиво-назидательныя, и дѣло книжнаго просвѣщенія въ ней ведется духовенствомъ и только весьма немногими любителями изъ высокопоставленныхъ лицъ. Конечно, были и исключенія, но они не уничтожаютъ силы общаго положенія. По словамъ проповѣдника Кирилла Туровскаго, свѣтскіе люди говорили: «Жену имамъ и дѣти кормлю... не наше есть дѣло почитаніе книжное, но чернечьское». Если мірской человѣкъ и принимался читать или даже списывать книги, онъ дѣлалъ это не для удовольствія и даже не для поученія, а для спасенія души. Между такими подвижниками были и князья, и княгини, и даже княжны; нѣкоторые князья *) держали по нѣскольку переписчиковъ и составляли цѣлыя библіотечки. Въ родѣ Ярослава книголюбіе было какъ-бы наслѣдственно. Но все это были только счастливыя исключенія. Какъ смотрѣло на ученіе книжное большинство, видно изъ былины о Васькѣ Буслаевѣ; онъ получилъ полное образованіе, а состояло оно вотъ въ чемъ:

Стали его грамотѣ учить:
Грамота ему въ наукъ пошла.
Посадили его перомъ писать:
И письмо ему въ наукъ пошло.

Это, такъ сказать, курсъ гимназическій, на которомъ не остановилось образованіе героя, онъ идетъ дальше:

Стали его учить пѣнью церковному:
И нѣтъ у насъ въ Новѣгородѣ такого пѣвца
Супротивъ Васиньки Буслаева.

Это курсъ университетскій, академическій; затѣмъ слѣдовалъ его выходъ на улицу и извѣстныя игры съ «мужики новогородскими».

Въ до монгольскій и монгольскій періоды, какъ въ западной Европѣ въ первую половину среднихъ вѣковъ, у насъ

*) Напр. Владиміръ Васильковичъ.

книжное дѣло сосредоточивается исключительно въ монастыряхъ, и поэтому большая часть того, что было говорено о книгахъ монастырскаго времени на западѣ, относится къ древне-русской книгѣ. Извѣстна прекрасная картинка изъ жизни Ѳеодосія Печерскаго, какъ онъ волну плелъ для переплета въ то время и въ той комнатѣ, гдѣ Иларіонъ списывалъ книги, а старецъ Никонъ переплеталъ ихъ. Монахи писали только съ дозволенія игумена и потому книга или даже всякая отдѣльная статья начинается обыкновенно съ формулы: «благослови, отче» *). Писали на пергаментѣ (харатьѣ, отъ charta), на большихъ листахъ, большею частію въ два столбца, крупными и прямыми буквами, такъ называемымъ *уставомъ*, который постепенно переходитъ черезъ *полуустав*ъ въ неразборчивую скоропись XVII вѣка. Заглавныя буквы и заставки большею частію разрисовывали красками и золотомъ, красками-же вырисовывали миніатюры строгаго *гіератическаго* типа. Нечему, стало быть, удивляться, что дьяконъ Григорій писалъ Остромірово Евангеліе почти 7 мѣсяцевъ; скорѣй надо удивляться необыкновенной быстротѣ работы монаха Лаврентія, писца лѣтописи, который окончилъ ее въ 2 мѣсяца и 6 дней, и тому больному монаху, который подарилъ монастырю 35 книгъ, имъ самимъ списанныхъ **). И какую наивную, но вполнѣ понятную радость выражаетъ списатель, кончая книгу! Онъ самъ сравниваетъ себя съ женихомъ, дождавшимся невѣсты, съ кормчимъ, въ «отишіе» приставшимъ, съ странникомъ, въ отечество пришедшимъ, даже съ зайцемъ, изъ тенетъ избѣгшимъ, съ птицей, изъ «кляпци» (т. е. силковъ) излетѣвшей и т. д. и т. д.

За то и читатели относились къ чтенію не по нашему. Вотъ какъ рекомендуетъ заниматься этимъ дѣломъ извѣстная статья Изборника Святослава: «Когда читаешь книги, не старайся скорѣе дойти до другой главы, но пойми, что говорятъ книги и слова тѣ, и по три раза возвращайся къ одной главѣ». Что это не было только pium desiderium, а дѣйствительно

*) Часто по-гречески русскими буквами: *евлогисонъ патеръ*.

**) Востоковъ. Описаніе рук. Рум. Муз. стр. 176.

исполнялось, видно изъ встрѣчающихся кой-гдѣ отмѣтокъ о томъ, когда грамотникъ началъ читать книгу и когда окончилъ: нѣсколько мѣсяцевъ читался прологъ или сборникъ, который современный посѣтитель библіотеки просматриваетъ въ 2—3 утра.

Нашествіе монголовъ, разворивъ югъ Россіи, перенесло центръ государственной жизни на суровый сѣверъ. Книжное дѣло, разумѣется, упало: до книгъ-ли тутъ было, когда приходилось тяжкимъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе и дань татарскую?—Монастырскій періодъ въ исторіи русской книги именно отъ этого былъ гораздо продолжительнѣе на Руси, чѣмъ на Западѣ. Безъ половцевъ и татаръ даровитый и свѣжій силами народъ Руси кіевской, тѣсно связанный съ цивилизованной Византіей, несомнѣнно скоро догналъ-бы, если не обогналъ, своихъ западныхъ братьевъ.

Какъ трудно было заниматься книжнымъ дѣломъ на сѣверѣ, ясно свидѣтельствуетъ житіе Сергія Радонежскаго, который, не имѣя ни харатьи, ни бумаги, писалъ на берестѣ древесной.

Только въ Новгородѣ былъ досугъ и средства, и тамъ писаніе книгъ производилось не въ однихъ монастыряхъ. О Моисеѣ, архіепископѣ новогородскомъ (1353 — 1362), лѣтопись говоритъ, что онъ «добрѣ пасяше стадо свое, поживъ въ цѣломудріи, и *многи писцы изыскавъ и книгы многы исписавъ*».

Но вотъ, въ XV столѣтіи, осѣлась цивилизація и въ средней Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно усиливается и книгописаніе. Ересь жидовствующихъ, сама служащая показателемъ болѣе напряженной духовной жизни, вызываетъ цѣлую политическую литературу. Въ лучшихъ монастыряхъ оказываются такіе книголюбцы, что «печаль обдержитъ» ихъ, если они день проводятъ безъ писанія (напр. Нилъ Сорскій). Уже чувствуется потребность въ болѣе изящной литературной формѣ для житій святыхъ и описаній чудесъ ихъ; сознавая свою литературную отсталость, наши предки охотно принимаютъ и обезпечиваютъ довольно обильнымъ по тому времени содержаніемъ болѣе образованныхъ южныхъ славянъ: таковъ былъ Пахомій Сербинъ, котораго за его передѣлки житій святыхъ хо-

рошо содержали и въ Троицкой Лаврѣ, и въ Москвѣ, и даже въ Устюгѣ, и въ Новгородѣ дарили серебромъ, кунами и соболями. Даже самая механическая работа списыванья книгъ можетъ въ это время доставить человѣку средства къ жизни. «О человѣче! восклицаетъ одинъ усердный списатель: Аще трудолюбно потщишися къ божественному писанію прилежати, трое блага получиши: первое,—*отъ своихъ трудовъ питаешися*; второе,—празднаго бѣса изгониши; третіе—съ Богомъ бесѣдовати имаши».

Когда писецъ пишетъ безъ мзды, онъ съ гордостью отмѣчаетъ это въ послѣсловіи [1]); но и пишущій за мзду, кромѣ выгоды временной, надѣется получить и душѣ спасеніе. Онъ проситъ читателей молиться и за заказчика, и за него грѣшнаго, причемъ писецъ часто отодвигаетъ заказчика на задній планъ, сообщая о себѣ гораздо болѣе подробностей, нежели о томъ, за чьи деньги работалъ онъ [2]). Но въ тѣхъ-же послѣсловіяхъ, какъ въ этомъ вѣкѣ, такъ и въ послѣдующихъ, писцы любятъ выказывать свое смиреніе, заранѣе испрашивая прощенія за ошибки, происшедшія отъ ихъ молодости или невѣжества, неумѣнія, скудоумія и вообще не жалѣя для себя бранныхъ словъ. «Аще буду гдѣ соблазняся криво написалъ или строку преступилъ въ своей грубости и въ молодѣ умѣ, то и вы..., отцы и братіе, имуще разумъ великъ, въ сердци своемъ собою доправливайте, а мене худого не унижайте [3])». «Азъ наукою не наученъ, а писанію весьма неискусенъ...» «Тупъ есмь разумомъ...» «Эллинскихъ мудростей не текохъ...» «Азъ преокаяннѣйшій...» «Писана сія книга рукой многогрѣшнаго, и лѣниваго, и недостойнаго, и стропотливаго, и лживаго

---

[1]) Напр. «Сію книгу св. Евангеліе писалъ безъ мезды за свое душевное спасеніе и за родителѣ». (Вост. Оп., стр. 189).

[2]) Напр. «А писалъ сію книгу (сѣверскую минею конца XV вѣка, принадлежащую нынѣ Кіевскому христіанскому музею) нѣхто ать Березка З Новгородка и Литовского поповичь попа литоводкаго сынъ Семіоновъ Долъбнича и иже в нитрополіи. А писалъ есми отъ початка книги самъ, отъ доски до половины, отъ св. Семіона до сорока святыхъ». А объ заказчикѣ мы узнаемъ только, что онъ былъ рабъ божій Ѳеодоръ.

[3]) Вост. Оп., стр. 13.

раба божія Моисея Иванова... [1])», «гдѣ прописался азъ грѣшный не разумомъ или не смыслилъ (несмысліемъ?) или недоумѣніемъ, или непокорствомъ, или непослушаніемъ, или не разсмотрилъ, или полѣнился разсмотрить, или не дозрилъ, и вы меня, Бога ради, простите и не кляните, а сами собою исправливайте» [2]).

Но въ этомъ преувеличенномъ смиреннствѣ такъ-же, какъ и въ *тайнописаніяхъ* разнаго рода, которыя начинаютъ входить въ употребленіе съ того-же XV вѣка [3]), именно для послѣсловій писцовъ и для обозначеній ихъ именъ, нельзя не видѣть невольнаго проявленія нѣкоторой литературной гордыни и вѣры въ свое право на память потомства.

Чтобъ болѣе не возвращаться къ послѣсловіямъ и припискамъ, мы должны упомянуть о такъ-называемыхъ *вкладныхъ*, т. е. припискахъ, которыя дѣлались или въ концѣ книги, или по листамъ и которыя говорили, кто, за кого и какому церковному учрежденію пожертвовалъ эту книгу; при этомъ обыкновенно вкладчикъ грозилъ судомъ Божіимъ тому, кто нарушитъ его завѣщаніе. Если вкладчикъ даетъ книгу за себя, онъ проситъ «о здравіи его Бога молить, а по смерти душу его поминать»; такая просьба обращается не только къ церкви и монастырю, но и ко всякому, кто будетъ эту книгу читать. Если вкладчикъ самъ не могъ писать, за него вкладную писалъ другой, иногда при этомъ случаѣ поминавшій и себя. Вкладныя писались и отъ лица нѣсколькихъ участниковъ въ

[1]) Ibid.

[2]) А. А. Титовъ: Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. М. 1888, стр. 17. Иногда писецъ и пользовался этимъ случаемъ, чтобы поговорить о своихъ болѣзняхъ, или о «печаляхъ міра сего», его утѣсняющихъ. (Вост. Опис. 194, 189 и др.).

[3]) См. образцы у Восток. стр. 554 и слѣд. Одна изъ самыхъ легкихъ и употребительныхъ криптографій та, когда гласныя оставались тѣ-же самыя, а согласныя употреблялись въ обратномъ азбучномъ порядкѣ. Напр. см. А. А. Титовъ о. с. стр. 6. рп. 1498 г. «а ниласъ циятопъ Ишалъ Рогасошъ», т. е. «а писалъ діаконъ Иванъ Мочаловъ». Позднѣе вмѣсто тайно-писанія является нѣчто въ родѣ шарадъ. Напр. «Переводивый сію книгу (Баронія въ 1878 г. См. Арх. Леонида Описаніе Успенскаго ж. мон. Спб. 1884 стр. 119 — 120) имя его седмилитерно, троесложно, въ немъ-же убо 4 гласныхъ и 3 согласныхъ; начало пріемлетъ отъ перваго гласнаго; число-же его суть....» (недописано: Іоасафъ?)

расходѣ на книгу, и отъ цѣлаго прихода. Если книга не заказывалась, а пріобрѣталась покупкою, вкладная упоминала, у кого она куплена, за сколько и какую сумму кто изъ участниковъ вклада заплатилъ. Надписывали богослужебную книгу и тѣ лица, которыя только на свой счетъ переплетали ее въ бархатъ или снабжали окладомъ. Иногда книгу жертвовали въ церковь не навсегда, а только «до живота» такого-то священника или іеромонаха, чтобъ по ней за владѣльца Бога молилъ. Книгами благочестивые люди благословляли иногда дѣтей своихъ и обозначали это въ припискѣ; «а иному никому до сея книги дѣла нѣтъ», прибавляетъ одинъ изъ такихъ отцовъ. Это очень мягкая формула; во вкладныхъ угрозы нарушителямъ завѣщанія обыкновенно выражены гораздо сильнѣе: вкладчикъ предаетъ ихъ анаѳемѣ; грозитъ судиться съ ними на страшномъ судѣ; подвергаетъ ихъ клятвѣ Арія и т. д. Въ надписяхъ продавца книги иногда видно, какъ ему тяжело было разставаться съ драгоцѣнностью: онъ ссылается на крайнія нужды, которыя его побудили къ продажѣ, обѣщается при первомъ-же случаѣ купить такую-же книгу или списать ее. Вообще эта литература послѣдней страницы очень интересна, но, къ сожалѣнію, у насъ еще мало изслѣдована.

Въ XVI вѣкѣ начинается въ исторіи русской книги городской періодъ. Число грамотныхъ людей въ городахъ замѣтно возростало, но во многихъ монастыряхъ книжное дѣло падало: изъ монастырей заказываютъ писать книги дьякамъ, и въ иныхъ обителяхъ, по ихъ бѣдности и невѣжеству, чувствуется крайняя нужда даже въ книгахъ богослужебныхъ.

Въ общемъ итогѣ, образованіе страны въ первой половинѣ XVI вѣка стоитъ очень низко, и на самой грани столѣтія у Геннадія Новогородскаго вырывается изъ-подъ пера знаменитая жалоба: «Такова, господине, земля: не можемъ добыти, кто-бы гораздъ грамотѣ». Но самыя жалобы Геннадія и черезъ полстолѣтія сѣтованія Стоглава на паденіе образованія [1]), указываютъ на близость лучшаго будущаго, и тотъ-же Стоглавъ

[1]) Гл. 25: «Прежъ сего въ россійскомъ царствіи грамотѣ и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было; пѣвцы и четцы и доброписцы тогда славны были по всей землѣ и до днесь».

свидѣтельствуетъ о городскихъ писцахъ, дѣятельность которыхъ онъ желаетъ подвергнуть цензорскому надзору. Во всякомъ описаніи рукописей поразительно велико число книгъ, написанныхъ при Грозномъ. Митрополитъ Макарій, который сидѣлъ на этомъ стоглавомъ соборѣ, еще въ бытность архіепископомъ новогородскимъ, много лѣтъ «не щадя сребра» работалъ надъ составленіемъ знаменитыхъ своихъ Миней Четіихъ, которыя, такъ же, какъ энциклопедія Винкентія Бове на Западѣ, подводятъ итоги всей средневѣковой русской письменности. По объему макарьевскія минеи не уступаютъ Бове, а даже значительно превосходятъ его трудъ: это 12 огромныхъ фоліантовъ по нѣсколько тысячъ страницъ въ каждомъ. Но о нашей умственной отсталости помимо содержанія миней—церковный характеръ въ нихъ преобладаетъ до исключительности, и статьи не переработаны, а только собраны — всего яснѣй свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Зерцало Бове распространилось въ тысячахъ экземпляровъ, а Великія Минеи дошли всего въ 2-хъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ неполный; полнаго-же воспроизведенія въ печати онѣ и до сихъ поръ не удостоились.

Тотъ-же Макарій заботится объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, испорченныхъ невѣжественными переписчиками, и хлопочетъ объ учрежденіи *первой* типографіи въ Москвѣ, черезъ 100 слишкомъ лѣтъ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, когда на Западѣ число ежедневно печатаемыхъ названій считаютъ уже тысячами!

Я кончилъ свой краткій очеркъ книги до печати. Вмѣсто заключенія, позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе.

Рукописная книга — тормазъ для умственной культуры не столько потому, что она дорога:—мы видѣли на примѣрѣ римлянъ, что ее можно удешевить почти до цѣны печатной,—и не столько потому, что она рѣдка: въ томъ-же Римѣ дешевизна обусловила обиліе книгъ, и потомъ, когда книги рѣдки, ихъ читаютъ внимательнѣй и чаще, а извѣстно, что полезнѣй десять разъ прочитать одну неглупую книгу, нежели пробѣжать два десятка какой-нибудь желѣзнодорожной библіотеки. Нѣтъ, главная бѣда не въ этомъ и даже не въ отсутствіи

гонорара за литературный трудъ (хотя нельзя не признать, что этотъ гонораръ значительно способствуетъ подъему литературной производительности и достоинству ея, избавляя писателя отъ печальной необходимости искать меценатовъ или тратить время на другое хлѣбное занятіе), тѣмъ болѣе, что и высокій гонораръ, обиліе и дешевизна книгъ, дѣлающія ихъ доступными для массы народа—все это явилось не вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ, а много послѣ него, чуть не въ наше время; стало быть, изобрѣтеніе Гуттенберга здѣсь непричемъ.

Но самая темная сторона рукописной книги, сейчасъ устраненная печатнымъ станкомъ, это—неизбѣжныя въ ней ошибки и произволъ писцовъ. Хотя у римлянъ переписчиками были большею частію рабы, жизнь и смерть которыхъ была въ рукахъ ихъ господъ, все-же литераторы постоянно жалуются на ихъ описки и вольности. Въ средніе вѣка, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, часто исчезало различіе между авторомъ и копіистомъ: такъ свободно послѣдній относился къ оригиналу. А какъ портили текстъ даже богослужебныхъ книгъ неумышленными ошибками и къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ вели онѣ, показываетъ дѣло никоновскаго исправленія книгъ, отторгшее отъ нашей церкви милліоны народа. Если теперь нѣсколько разъ перепечатываемая книга не подвергается при каждомъ изданіи тщательному присмотру, а предоставляется произволу дешевыхъ корректоровъ—какъ это бываетъ съ лубочными романами, въ родѣ «Георга, милорда англійскаго»,—она теряетъ первоначальный видъ и мѣстами смыслъ человѣческій: легко себѣ представить, что дѣлается съ несчастной книгой, если она пройдетъ черезъ руки нѣсколькихъ переписчиковъ, которые въ массѣ были менѣе грамотны и внимательны, чѣмъ корректоры—родной отецъ не узнаетъ своего искалѣченнаго дѣтища!

Войдите въ любую большую библіотеку Европы, въ рукописное отдѣленіе, и посмотрите на склоненныя лица работниковъ. Все это ученые, или уже извѣстные своими трудами, или молодые люди, готовящіеся пріобрѣсти извѣстность; это—соль европейскихъ университетовъ. На что съ такимъ упор-

ствомъ тратятъ они свое драгоцѣнное время? Какая общая цѣль ихъ напряженной работы?

Эти сотни *умныхъ* достаютъ изъ воды каменья, которые бросилъ туда средневѣковой переписчикъ; они отыскиваютъ золото первоначальнаго текста, какъ онъ вышелъ изъ рукъ автора, и очищаютъ его отъ наносныхъ примѣсей; на эту необходимую, но печальную работу употребляютъ они свою ученость, остроуміе и лучшіе годы свои. Наши потомки будутъ свободны отъ этой малопроизводительной затраты силъ и времени. Потому-то изобрѣтатель подвижныхъ буквъ и печатнаго станка и считается однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей человѣчества.

ЛЕКЦІЯ II.

Книга отъ начала книгопечатанія до нашихъ дней.

Говорятъ: исторія интересна, какъ романъ, даже интереснѣе романа, такъ какъ она разсказываетъ не о вымышленныхъ лицахъ и событіяхъ, а о дѣйствительныхъ. Чтобы признать это положеніе справедливымъ, надо или исторію не считать наукой, или романъ не считать поэтическимъ произведеніемъ. Романъ, который только фотографируетъ жизнь со всею ея сутолокой и неопредѣленностью, не освѣщая ея ни единой идеей, который не создаетъ ни одного характера, а только копируетъ не типичныя и противорѣчащія себѣ единицы общества, и исторія, которая, не изслѣдуя жизни народа во всѣхъ ея самыхъ прозаичныхъ проявленіяхъ, повѣствуетъ только о необыкновенныхъ приключеніяхъ и славныхъ подвигахъ героевъ, стоятъ другъ друга. До господства перваго мы еще, слава Богу, не дожили, а вторая уже давно сдана въ архивъ.

Нынѣшняя исторія, иначе сказать, исторія, какъ наука, не только не есть повѣствованіе о герояхъ, но неблагосклонному къ ней наблюдателю можетъ даже казаться, что она

будто съ какою-то злобою преслѣдуетъ этихъ героевъ, отнимая у нихъ славу ихъ дѣяній, чтобы передать ее безъименнымъ или малоизвѣстнымъ ихъ предшественникамъ, современникамъ или послѣдователямъ; современная исторія доказываетъ, что эти герои командуютъ человѣчествомъ такъ, какъ въ романѣ А. Толстого «Война и Миръ» старикъ Кутузовъ командовалъ въ бородинской битвѣ своей арміей: онъ только поддакивалъ, когда ему предлагали ту или другую мѣру, вполнѣ увѣренный, что эти мѣры не будутъ приведены въ исполненіе и что дѣло рѣшится духомъ, которымъ проникнуты строевые офицеры и солдаты, т. е. такъ называемое «пушечное мясо».

Школьная исторія не есть еще наука, а только сумма фактическихъ свѣдѣній, служащая пропедевтикой для науки; въ ней «герои» играютъ еще видную роль; въ университетскомъ преподаваніи ихъ роль сокращается до минимума. Гимназистъ заучиваетъ, что славолюбіе и геній влекли Александра Македонскаго къ завоеванію царства Персидскаго, а энергія папы Григорія VII возвеличила римскаго первосвященника надъ государями западной Европы; студентъ представляетъ себѣ дѣло иначе. Школьникъ знаетъ, что книгопечатаніе изобрѣлъ Іоганнъ Гуттенбергъ изъ Майнца, а съ этой каѳедры дѣло надо разъяснить нѣсколько обстоятельнѣе, и у нашего всеобщаго патрона придется отнять часть его славы на пользу меньшихъ братій. Но Гуттенбергъ если и герой, то самый скромный, непритязательный, и судьба какъ бы награждаетъ его за скромность, отнимая у него немногое и оставляя ему и его товарищамъ сравнительно гораздо болѣе, нежели Александрамъ, Григоріямъ и Людовикамъ.

Я не буду приводить анекдотовъ о печатаніи до книгопечатанія, въ родѣ напр. разсказа Плутарха о греческомъ полководцѣ, который, чтобы воодушевить солдатъ, написалъ на своей рукѣ наоборотъ слово νίκα (побѣждай) и незамѣтно отпечаталъ его на печени жертвенной птицы,—такъ какъ подобные курьезы къ исторіи книги не имѣютъ прямого отношенія, и не буду касаться исторіи гравюры, такъ какъ это увлекло бы насъ слишкомъ далеко; я обращу ваше вниманіе только

на нѣсколько фактовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ изобрѣтенію Гуттенберга.

Во-первыхъ, извѣстно, что китайцы задолго до начала нашей новой исторіи употребляли рѣзныя доски, посредствомъ которыхъ они отпечатывали на своей тонкой бумагѣ сперва правительственныя распоряженія, а потомъ и цѣлыя книги; что знаменитый путешественникъ Марко Поло, въ началѣ XIV столѣтія, видѣлъ книги или листы, отпечатанные такимъ *ксилографическимъ*, какъ его обыкновенно называютъ, способомъ (отъ ξύλον дерево и γράφω пишу)—это болѣе, чѣмъ вѣроятно, но имѣли ли разсказы Марко Поло вліяніе на развитіе этого дѣла въ Европѣ—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, ксилографія употребляется въ западной Европѣ уже въ самомъ началѣ XV вѣка, только не для книгъ, а для священныхъ изображеній съ подписями и для игральныхъ картъ, которыя были изобрѣтены не за долго до тѣхъ поръ и, пока раскрашивались отъ руки, были доступны по цѣнѣ своей немногимъ богачамъ. Изображенія, напечатанныя на одномъ листѣ и, конечно, только съ одной стороны, встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ уже въ первой четверти этого столѣтія; можетъ быть, они появляются независимо въ разныхъ странахъ Европы, но Голландія имѣетъ, повидимому, право претендовать на львиную долю въ этомъ дѣлѣ, и въ ней ксилографія черезъ посредство иконы съ *надписью* (легендой) переходитъ къ цѣлому ряду изображеній на отдѣльныхъ, но соединенныхъ между собою листахъ цѣлой книжечки, состоящей изъ рисунковъ съ надписями.

Здѣсь я не могу не коснуться мимоходомъ одного спорнаго вопроса, который когда-то вызвалъ цѣлую литературу pro и contra; я разумѣю претензію голландцевъ на изобрѣтеніе ихъ соотечественникомъ настоящаго книгопечатанія.

Слишкомъ черезъ сто лѣтъ послѣ Гуттенберга, когда его изобрѣтеніе уже измѣнило всю умственную физіономію Европы, одинъ голландецъ, Адріанъ Юніусъ, въ своей книгѣ Batavia, написанной въ 1565—69 годахъ и напечатанной въ 1588 г. въ Лейденѣ, утвердительно говоритъ, что книгопечатаніе изобрѣтено около 1440 г. въ Гаарлемѣ гражданиномъ этого го-

рода, Лаврентіемъ Янсономъ Костеромъ. Костеръ, по его словамъ, сперва для забавы своихъ внуковъ вырѣзалъ деревянныя буквы изъ буковой коры и отпечатывалъ ими строки на бумагѣ; потомъ сталъ вырѣзать цѣлыя страницы съ рисунками, а затѣмъ перешелъ къ металлическимъ передвижнымъ буквамъ, и началъ этимъ способомъ печатать цѣлыя книги. Такъ какъ дѣло представляло значительныя выгоды, то онъ набралъ себѣ помощниковъ, обязавъ ихъ клятвою хранить его секретъ. Одинъ изъ этихъ помощниковъ, какой-то Іоганнъ, обокралъ хозяина, бѣжалъ въ Майнцъ и уже въ 1441-омъ году напечаталъ съ помощью чужого изобрѣтенія цѣлую книгу.

Голландцы изъ національной гордости всею силою своей учености,—а они въ концѣ XVI-го и въ XVII-омъ столѣтіи были самой просвѣщенной націей въ Европѣ,—поддерживали разсказъ Юніуса. Но въ этомъ разсказѣ и безъ обстоятельнаго изслѣдованія всѣхъ данныхъ многое представляется невѣроятнымъ: во-1-хъ, какъ это гаарлемцы молчали въ продолженіе цѣлаго столѣтія о такой важной вещи?! Во-2-хъ, ходъ дѣла былъ не такой: не отъ подвижныхъ деревянныхъ буквъ ксилографія перешла къ рисункамъ, а наоборотъ. Въ-3-хъ, книжки, напечатанной въ 1441 г., никто никогда не видалъ. Въ-4-хъ, бѣглый рабочій Іоганнъ не можетъ быть отождествленъ ни съ кѣмъ изъ майнцскихъ типографовъ.

По всей вѣроятности, Костеръ былъ изъ содержателей ксилографическаго заведенія; можетъ быть, онъ и сдѣлалъ какое-нибудь немаловажное усовершенствованіе въ ксилографіи: ему приписываютъ изданіе мистической книжки «Искусство умирать» (Ars moriendi) изъ 11 рисунковъ съ надписями, и также изданіе ксилографическаго Апокалипсиса,—но до печатнаго станка онъ, повидимому, далеко не дошелъ.

Главное неудобство рѣзной книги, кромѣ трудности, а стало быть, и дороговизны ея производства, въ томъ, что ошибка, сдѣланная рѣщикомъ, не могла быть исправлена, и если въ доскѣ выламывалось нѣсколько буквъ, что при непрочности матеріала могло случиться очень легко, она уже становилась никуда негодной. Этому горю пытались помочь, наклеивая

или другимъ способомъ укрѣпляя новую надпись; отсюда впервые родилась идея подвижныхъ буквъ.

Наиболѣе вѣроятный изобрѣтатель металлическихъ литыхъ буквъ и печатнаго станка Іоганнъ Гензфлейшъ, прозванный Гуттенбергомъ, родился въ Майнцѣ отъ патриціанской фамиліи между 1395 и 1400 гг.; дѣтство провелъ онъ въ родномъ городѣ, въ отцовскомъ домѣ, и рано заинтересовался механическими искусствами. Около 1420 г. онъ принужденъ былъ покинуть Майнцъ, вѣроятно, вслѣдствіе политическихъ волненій. Въ тридцатыхъ годахъ онъ проживаетъ въ Страсбургѣ, и вотъ тамъ-то родилась у него идея улучшить ксилографію настолько, чтобы можно было поддѣлываться подъ рукопись, и удешевить книги. Первая задача его была сдѣлать такія буквы, которыя годились бы не для одной страницы, а для многихъ, иначе сказать: буквы подвижныя. Весьма вѣроятно, что онъ пробовалъ сперва употреблять для нихъ дерево, но потомъ дошелъ до мысли отливать буквы изъ мѣди въ такъ называемыхъ *матрицахъ*, которыя употребляются и до сихъ поръ; вторая задача его была выдумать прессъ и черезъ то получить возможность дѣлать оттиски болѣе ясные и чистые и на обѣихъ сторонахъ бумаги. Неизвѣстно, дошелъ ли онъ до этихъ важныхъ изобрѣтеній въ Страсбургѣ или позднѣе; вѣроятнѣе послѣднее, но и въ Страсбургѣ онъ работалъ, повидимому, надъ этимъ же или близкимъ къ этому дѣломъ, и въ 1436 г. составилъ товарищество для какого-то механическаго производства. Черезъ два года одинъ изъ главныхъ членовъ товарищества умеръ; его братъ началъ съ Гуттенбергомъ процессъ и выигралъ его. Акты процесса темны; несомнѣнно только, что Гуттенбергъ оказался раззореннымъ. Въ 1443 г. онъ возвращается въ Майнцъ, продолжаетъ работать надъ своими изобрѣтеніями, въ 1450 г. заключаетъ договоръ съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Іоганномъ Фаустомъ или Фустомъ. Въ этотъ моментъ уже несомнѣнно были изобрѣтены литыя буквы и прессъ, и товарищество поставило себѣ грандіозную задачу: отпечатать самую дорогую и самую нужную книгу—библію. Гуттенбергъ, послѣдніе остатки состоянія котораго ушли на опыты, вносилъ въ товарищество свою идею и трудъ, Фустъ—

средства; скоро они приняли къ себѣ третьяго компаньона Петра Шефера или Шейфхера, зятя Фуста, образованнаго и искуснаго писца, который нуженъ былъ для рисованія буквъ. Пока товарищи работали надъ библіею, въ Майнцъ пришли продавцы индульгенцій, и узнавъ, что здѣсь есть какая-то фабрика, могущая изготовлять въ короткое время большое количество тожественныхъ рукописей, они обратились къ товариществу, и оно своими подвижными буквами изготовило имъ достаточный запасъ этого товара. Такимъ образомъ, по странной случайности то самое изобрѣтеніе, которому предстояло быть въ рукахъ Лютера и гуманистовъ могучимъ орудіемъ для низверженія авторитета папы и уничтоженія умственной тьмы, прежде всего было примѣнено для распространенія этой тьмы.

Между тѣмъ, товарищество распалось по неизвѣстной намъ причинѣ; мы только можемъ догадываться, что и здѣсь сила рубля столкнулась съ силой генія, и рубль, конечно, остался побѣдителемъ: Гуттенбергъ не могъ выплатить Фусту сдѣланныхъ имъ затратъ и лишился типографіи, которая осталась за Фустомъ и Шеферомъ; начатая имъ библія вышла уже безъ него въ концѣ 1455 или началѣ 1456 г. въ 2-хъ томахъ и, повидимому, принесла Фусту большіе барыши, такъ какъ черезъ годъ съ небольшимъ онъ выпустилъ псалтырь, книгу не столь дорогую, но еще болѣе ходкую.

Первая библія, за которой по праву удержалось названіе Гуттенберговой, дошла до насъ въ весьма немногихъ экземплярахъ, которые цѣнятся не на вѣсъ золота, а гораздо дороже. Въ прошломъ году одинъ одесскій любитель заплатилъ 150 марокъ за одинъ листокъ Гуттенберговой библіи (отдѣльные листки узнаютъ по характеру шрифта, а прежде всего, по числу строкъ).

Но и Гуттенбергу удалось воспользоваться своимъ изобрѣтеніемъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ Фусту: одинъ членъ майнцской ратуши, Гуммеръ, далъ ему средства открыть свою небольшую типографію, въ которой онъ работалъ до 1465 г.; въ этомъ году онъ былъ возведенъ въ дворянство и поступилъ на службу къ архіепископу Адольфу Нассаускому; черезъ три

года онъ умеръ, но его типографія работала въ Майнцѣ и въ началѣ слѣдующаго столѣтія.

Между тѣмъ, въ 1462 г. Майнцъ подвергся разграбленію, и многіе работники изъ типографіи Фуста разбѣжались, разнося съ собою новое изобрѣтеніе; но немного спустя, типографія нашла новыхъ работниковъ, и послѣ смерти Фуста ею владѣлъ Шеферъ, женившійся на его дочери.

Важенъ былъ только первый толчекъ; теперь дѣло пошло такъ быстро, что черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ типографское искусство измѣнило весь характеръ книжнаго дѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умственную жизнь европейскаго общества. Уже въ 1470 г. печатаются книги въ Венеціи, потомъ въ Римѣ и во всѣхъ большихъ городахъ Италіи; уже до 1480 г. Германія имѣетъ типографіи въ Прагѣ, Аугсбургѣ, Любекѣ, Ульмѣ, Эйслингенѣ и т. д. Въ 1481 г. отпечатана первая книга въ Лондонѣ. Центръ тогдашняго просвѣщенія—парижскій университетъ—встрѣтилъ до крайности недовѣрчиво первыя извѣстія о книгопечатаніи; многіе изъ его членовъ считали его измышленіемъ дьявола, но уже въ 70-хъ годахъ тамъ работаетъ типографія, основанная тремя нѣмцами; вскорѣ примѣру Парижа послѣдовалъ Ліонъ и другіе города Франціи. Часословъ одного французскаго типографа, не переходя границы слѣдующаго столѣтія, выдержалъ около ста изданій. Всѣхъ «названій», вышедшихъ въ разныхъ городахъ западной Европы, считается болѣе 15,000!

Только въ самое первое время типографщики стре обмануть публику, выдавая печатныя книги за рукописи; но скоро этотъ обманъ дѣлается ненужнымъ. Уже въ 1468 г., вслѣдствіе Гуттенбергова изобрѣтенія, рукописи удешевляются на 80%: такова была сравнительная цѣнность книги и рукописи. Многочисленные переписчики, конечно, считали себя ограбленными (какъ позднѣе ямщики при проведеніи желѣзныхъ дорогъ), но такъ какъ потребители книгъ были почти всѣ на сторонѣ книгопечатанія, то ихъ протесты ни къ чему не привели, и многіе изъ нихъ принуждены были опредѣлиться наборщиками въ типографіи. Впрочемъ, болѣе искусные каллиграфы еще довольно долго находили себѣ работу: въ первыя

десятилѣтія послѣ Гуттенберга заглавныя буквы не печатались, а раскрашивались отъ руки. Можно указать и переходную ступень. Такъ въ чешской библіи 1488 г. (имѣется въ Одессѣ въ собраніи И. И. Куриса) большіе иниціалы, съ которыхъ начинается глава, написаны отъ руки красками; иниціалы меньшіе, внутри строкъ, отпечатаны, но перечеркнуты краской отъ руки, такъ же, какъ отъ руки дѣлались и миніатюры; кромѣ того, иные богатые книголюбцы все еще отдавали предпочтеніе на заказъ писаннымъ рукописямъ передъ некрасивыми, произведенными *фабричнымъ* способомъ, печатными книгами. И надо сознаться, что искусство книгописанія, точно собирая всѣ свои силы для отчаянной борьбы съ печатнымъ станкомъ, именно въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія, давало образцы рѣдкой красоты. Но все же борьба была безнадежная.

Первопечатныя книги называются *инкунабулами*, отъ латинскаго слова: cunabula—колыбель; это названіе обыкновенно присвоивается всѣмъ книгамъ, вышедшимъ до 1500, а по другимъ, до 1525 года; онѣ въ полномъ правѣ имѣть свое спеціальное названіе, такъ какъ помимо росписанныхъ отъ руки иниціаловъ и заглавій, имѣютъ и другія особенности, указывающія на ихъ тѣсную связь съ рукописью; онѣ не имѣютъ заглавнаго листа, и указаніе мѣста и времени, а также и имя типографщика, помѣщаются въ послѣсловіи, въ самомъ концѣ книги; это послѣсловіе обыкновенно заключается словомъ: *аминь*. Если между переплетомъ и началомъ книги есть свободный листъ, то онъ служитъ для герба владѣльца. Въ текстѣ встрѣчается множество сокращеній, очень удобныхъ въ рукописи, но крайне затрудняющихъ наборщиковъ. Цыфръ для счета страницъ нѣтъ. Инкунабулы имѣютъ съ рукописями много общаго и по внутреннему содержанію, въ особенности если мы для сравненія возьмемъ книгу нашего времени. Теперь книга служитъ главнымъ образомъ для того, чтобы распространять въ массѣ то, что хотятъ сказать ей современники; едва ли десятая часть изъ продуктовъ печати воспроизводитъ написанное прежними писателями, а девять десятыхъ служатъ интересамъ дня. Первопечатныя книги интересами дня и измышленіями современниковъ не занимаются вовсе; пер-

выя типографіи воспроизводятъ библіи, псалтыри, классиковъ, средневѣковые сборники и старые учебники; книги, *сочиненныя для печати*, встрѣчаются только въ послѣднее десятилѣтіе XV вѣка.

Первенствующая въ то время по образованію страна, Италія,—быстро двинула впередъ нѣмецкое изобрѣтеніе; въ ней инкунабулы начинаютъ рано претендовать на изящество. Итальянскіе Ливіи, Плиніи и Цицероны, печатанные in f° въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, если ихъ хорошенько отчистить, какъ это умѣютъ дѣлать библіофилы, даже насъ поражаютъ правильностью строчекъ и красотою своего шрифта. Заглавія стали дѣлать раньше всего въ Венеціи, гдѣ къ концу XV вѣка книжныя лавки считались чуть не сотнями. Въ той же Венеціи жилъ и дѣйствовалъ знаменитый типографщикъ *Альдъ Мануцій*, произведшій цѣлую революцію въ книгопечатаніи какъ разъ на самой границѣ XVI столѣтія. Онъ родился въ 1447 году, былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ гуманистовъ и поселился въ Венеціи въ 1488 г. съ намѣреніемъ заняться преподаваніемъ греческаго языка, но увлекся типографскимъ дѣломъ и пріобрѣлъ имъ всемірную извѣстность. Дѣло въ томъ, что онъ, какъ и многіе извѣстные типографщики Франціи, работалъ не для наживы, а изъ любви къ наукѣ и просвѣщенію. Онъ ввелъ въ употребленіе буквы болѣе тонкія и красивыя, чѣмъ тѣ, которыя были въ ходу до сихъ поръ, ввелъ рѣзныя украшенія, простыя, но въ то-же время изящныя, тщательно наблюдалъ сперва самъ, а потомъ черезъ своихъ многочисленныхъ помощниковъ за исправностью текста и такимъ образомъ открылъ для книги доступъ въ библіотеки богатыхъ и требовательныхъ библіофиловъ. А съ другой стороны, тотъ же Альдъ Мануцій дешевизною своихъ изданій сдѣлалъ книгу доступною для всякаго, даже небогатаго студента.

Великая умственная революція, извѣстная подъ именемъ Возрожденія, быстротою и силою своею обязана изобрѣтенію Гуттенберга. Чтобы убѣдиться въ этомъ, представимъ себѣ положеніе учащагося молодого человѣка до книгопечатанія и положеніе его внука черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Гуттенберга. Дѣдъ, положимъ, принадлежавшій къ дворянству сред-

ней руки, выучился грамотѣ и латыни у капеллана замка по затасканному часослову и Донату, и затѣмъ, снѣдаемый жаждой знанія, отправился въ Лейпцигъ, Вѣну или хоть даже Парижъ. Онъ нашелъ въ университетѣ нѣсколько преподавателей, прославленныхъ искусствомъ и знаніемъ, списалъ или заказалъ списать необходимѣйшіе учебники и, вооружившись тетрадками, сталъ посѣщать лекціи. Онъ учится прилежно, въ узаконенное время получаетъ всѣ должныя ученыя степени, участвуетъ въ диспутахъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, съ докторскою шляпою на головѣ, побѣдителемъ возвращается въ домъ отеческій. Что принесъ онъ подъ этой докторской шляпой? Умѣнье бѣгло говорить на плохой латыни, умѣнье спорить о пустякахъ, да знаніе нѣсколькихъ десятковъ профессорскихъ тетрадокъ. Все, что сообщили ему профессора, онъ заучивалъ, какъ „отче нашъ", принимая на вѣру, по неимѣнію фактовъ для провѣрки, а профессора сообщали ему то, что они, также безъ критики, приняли отъ своихъ учителей, съ немногими дополненіями, заимствованными изъ переполненныхъ ошибками рукописей. Если молодому доктору сказать, что все заученное имъ вздоръ, онъ не повѣритъ этому развѣ только изъ самолюбія и упрямства, а настоящей увѣренности у него нѣтъ и быть не можетъ. Живое слово—великое орудіе знанія, но только тогда, когда оно можетъ быть подтверждено и провѣрено.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, профессорскія тетрадки улетучиваются изъ головы, и у доктора остаются тѣ немногіе научные факты, которые онъ ежедневно пускаетъ въ оборотъ въ своей практической дѣятельности, да нѣсколько десятковъ курьезовъ баснословнаго характера въ родѣ разсказовъ о народѣ съ собачьими головами, о превращеніи лошадинаго волоса въ червя, о звѣрѣ единорогѣ и т. д. Въ сущности же онъ такъ-же невѣжественъ, какъ и его братъ, изъ-за часослова непосредственно перешедшій къ исполненію своихъ помѣщичьихъ или судейскихъ обязанностей.

Внукъ уже и дома видѣлъ и читалъ нѣсколько книгъ, кромѣ часослова. Онъ хорошо знаетъ, что каждая книга имѣетъ автора, и ей можно вѣрить настолько, насколько ея авторъ

могъ знать правду: Ѳома Аквинскій—авторитетъ въ дѣлахъ вѣры; Цицеронъ—лучшій латинскій стилистъ; Плиній—великій естествоиспытатель и т. д. Онъ пріѣзжаетъ въ университетъ и тамъ, кромѣ профессоровъ, находитъ тысячи книгъ, доступныхъ даже для пріобрѣтенія въ полную собственность. Диспуты о томъ, на какомъ языкѣ говорили Адамъ и Ева въ раю, или объ отличіи сущаго отъ сущности уже никого не занимаютъ, а молодые люди стремятся пріобрѣсти возможно большее количество положительныхъ знаній и развить свой умъ и вкусъ изученіемъ древнихъ поэтовъ и мудрецовъ, которыхъ ихъ дѣды знали только по имени и только изрѣдка видѣли въ рукахъ какого-нибудь любителя профессора. Профессора не могутъ говорить, что имъ взбредетъ на умъ, потому что у студентовъ въ рукахъ средство провѣрить ихъ слова, и если профессоръ изъ году въ годъ будетъ преподавать по старой наслѣдственной тетрадкѣ, его аудиторія опустѣетъ, а студенты будутъ сходиться у какого-нибудь бездипломнаго преподавателя, который, работая самостоятельно, окажется способнымъ ввести ихъ въ чарующій міръ истинной науки.

Изъ университета внукъ, можетъ быть, и не привезетъ домой диплома, но онъ привезетъ то, что лучше диплома: развитой умъ, два-три десятка книгъ и стремленіе учиться и покупать новыя книги, когда къ тому окажется возможность.

Теперь я сдѣлаю краткій очеркъ исторіи книги по тремъ слѣдующимъ вѣкамъ и къ описанію наружности книги присоединю нѣсколько общихъ замѣчаній объ ея содержаніи. Анри Бушо говоритъ въ самомъ началѣ своей искусно составленной монографіи [1]): «Книга всегда была самымъ совершеннымъ изображеніемъ своей эпохи: наивная и откровенная въ началѣ, украшенная грубыми фигурами, она въ XVI в. отражаетъ гордый полетъ Возрожденія и является изящной по шрифту и украшеніямъ [2]), то глубокомысленной, то веселой, смотря

[1]) Henri Bouchot. Le livre, l'illustration, la reliure. Paris. Maison Quantin (Bibl. de l'enseignement des beaux arts.

[2]) Авторъ разумѣетъ книгу во Франціи.

по обстоятельствамъ. Въ концѣ столѣтія, въ угоду политическимъ и религіознымъ партіямъ, она доводитъ до крайности мистицизмъ или сатиру. Позднѣе, подъ вліяніемъ художниковъ и придворныхъ великой монархіи Людовика, она надѣваетъ парикъ, украшается колоннами и пиластрами, становится надуто-грандіозной и вся расплывается въ аллегоріи и условности. Въ эпоху регентства она дѣлается кокетливой, при Людовикахъ XV и XVI безвкусной и сантиментальной, и въ концѣ XVIII столѣтія внезапно принимаетъ строгую грекоримскую мину героевъ революціи».

Едва-ли нужно доказывать, что это иначе и быть не могло. Всякое твореніе рукъ человѣческихъ носитъ на себѣ печать духа и настроенія своего творца. Если это справедливо относительно мебели, посуды, женскихъ украшеній, тѣмъ болѣе это безспорно относительно такого задушевнаго произведенія, какъ книга.

Первое столѣтіе новой исторіи для книги, какъ и для всѣхъ прочихъ сторонъ жизни культурной, началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Многимъ тогда казалось, что наступаетъ *золотой вѣкъ*, не тотъ золотой вѣкъ душевной и умственной невинности (иначе сказать, невѣжества), который изстари воспѣвался поэтами, а золотой вѣкъ свободы, истины и красоты, вѣкъ мирной цивилизаціи, о которомъ мечтали и до сихъ поръ мечтаютъ мыслители, глубоко вѣрящіе въ прогрессъ человѣчества. Но это столѣтіе не дошло и до половины, какъ все измѣнилось: вся Европа окрасилась кровью, освѣтилась кострами, и люди оказались злѣе и дальше отъ конечной цѣли мирнаго прогресса, чѣмъ когда бы то ни было.

Все это сильно отразилось на судьбѣ книги. Французскій король Людовикъ XII въ своемъ указѣ отъ 1513 г., которымъ онъ утверждаетъ привилегіи университетскихъ типографщиковъ, называетъ книгопечатаніе «скорѣе божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ». Съ нимъ было согласно значительное большинство властителей Запада, и они чуть не поголовно старались поддержать и распространить книгу и науку: награждали авторовъ и типографщиковъ, собирали значительныя библіотеки, заказывали роскошнѣйшія изданія, не

жалѣли денегъ на благоустройство высшихъ школъ.—Но уже при наслѣдникѣ Людовика XII; Францискѣ I, учреждается цензура, сдавливающая это божественное изобрѣтеніе крѣпкими тисками, и зажигаются костры для истребленія его продуктовъ вмѣстѣ съ ихъ авторами. Книга XVI вѣка по своей наружности уже рѣзко отличается отъ рукописи: сокращенія исчезаютъ; буквы почти повсемѣстно принимаютъ форму болѣе удобную для печати; украшенія и рисунки уже дѣлаются не отъ руки, а механически; изобрѣтается средство печатать одновременно текстъ и гравюру; появляются во множествѣ богатыя иллюстрированныя изданія; рѣзьба на мѣди заступаетъ мѣсто рѣзьбы по дереву. Книга значительно уменьшается въ размѣрахъ: во множествѣ появляются изданія классиковъ съ комментаріями, цѣлую библіотеку которыхъ легко помѣстить въ чемоданъ средняго объема, но и эти маленькія книжки украшаются виньетками, портретами авторовъ, а иногда и типографщиковъ. Типографщики — часто люди очень образованные, даже ученые, они-же бываютъ и писателями [1]). Но занятія латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ яз. не отвлекаютъ ихъ вниманія отъ техники дѣла, и они же часто исполняютъ должность и граверовъ, и корректоровъ

Въ началѣ столѣтія одна и та-же бумага служитъ и для письма, и для печати, и ее иногда (въ особенности въ молитвенникахъ) смѣняетъ пергаментъ; къ концу XVI в. входитъ въ употребленіе особая бумага для печати, болѣе дешевая и удобная.

По содержанію и району распространенія, въ книгѣ еще замѣтнѣе прогрессъ: она начинаетъ служить интересамъ дня и замѣтно демократизируется; она становится доступной и интересной не только для людей, серьезно образованныхъ, но и для массы; она уже желанный гость и милый сердцу жи-

[1]) Таковы были во Франціи Этьенны (Stephanus Estienne), въ особенности Робертъ (1503—1559), авторъ знаменитой книги: «Thesaurus linguae latinae» и сынъ его Генрихъ Этьеннъ (1528—1598), уже 20 лѣтъ отъ роду издавшій свои комментаріи къ Горацію, а въ 1572 напечатавшій Thesaurus linguae graecae, потомъ не одинъ разъ переизданный даже и въ нашемъ столѣтіи. Таковы были въ Германіи Іоаннъ Фробенъ (Froben, род. 1460, ум. 1527), достойный другъ Эразма Роттердамскаго.

лецъ на женской половинѣ купеческаго или небогатаго помѣщичьяго дома. Она уже служитъ не только для поученія и назиданія, но и для *легкаго чтенія*. Съ этихъ поръ начинается вѣковѣчная борьба между книгой и картами, и должно признаться не къ чести нашего времени, что въ концѣ XVI столѣтія книга казалась даже ближе къ побѣдѣ, чѣмъ теперь.

Напомню только одинъ общеизвѣстный фактъ: обширную библіотеку стихотвореній и романовъ, которую собралъ въ своей убогой каморкѣ бѣдный ламанчскій помѣщикъ Кихада, впослѣдствіи назвавшійся Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ. Современные Кихады часто пренебрегаютъ дѣлами и тупѣютъ отъ излишней привязанности къ картамъ; но неслышно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ помѣшался отъ усиленнаго чтенія.

«Забавная» прозаическая литература XVI столѣтія представляетъ такое неисчерпаемое богатство и по количеству, и по качеству, что трудно и представить себѣ, не начавъ въ ней копаться. Недавно получившей право гражданства формой романа и повѣсти (Prosadichtung), легкой и для автора, и для читателя, пользуются такъ неумѣренно, что затопляютъ рѣшительно всѣ литературы; ею пользуются и для того, чтобы отвыкать отъ обыденной пошлости въ мірѣ идеаловъ, и для того, чтобы указывать средства измѣнить жизнь къ лучшему. Эту форму взялъ Рабле для своей могучей сатиры, эту форму избралъ Томасъ Моръ для своего трактата объ идеальномъ устройствѣ общества; у ихъ многочисленныхъ товарищей непритязательная и растяжимая форма повѣсти часто переходитъ въ политическій и соціальный памфлетъ, служащій интересамъ минуты. Памфлеты появляются съ самаго начала XVI столѣтія; они пишутся и въ прозѣ, и въ стихахъ, и по латыни, и на національныхъ языкахъ, служатъ и мелкимъ личнымъ, и весьма важнымъ общественнымъ цѣлямъ. Скоро памфлетъ становится такимъ-же могучимъ орудіемъ въ борьбѣ противъ неразумнаго давленія авторитета, какъ пушка—въ борьбѣ противъ твердынь рыцарскаго замка. Въ памфлетной войнѣ окрѣпли принципы реформаціи, и черезъ нихъ она стала извѣстна массѣ народа. Реформація, нуждаясь въ поддержкѣ этой массы, повсемѣстно работаетъ на пользу націо-

нальныхъ языковъ, и Лютерова библія, первый крупный памятникъ ново-нѣмецкой книжной рѣчи, есть мать всей новонѣмецкой литературы.

Къ памфлетамъ близки и по содержанію, и по сферѣ дѣйствія *летучіе листки*, въ которыхъ грубая гравюра и текстъ взаимно комментируютъ другъ друга и которые дожили до нашего времени въ видѣ такъ называемыхъ лубочныхъ картинъ.

Насколько книжка становится *народною* потребностью, видно напр. изъ многихъ изданій нѣмецкихъ пѣсенниковъ, до-нельзя грубыхъ по внѣшней формѣ и, стало быть, очень дешевыхъ; между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что до насъ дошла меньшая часть этихъ народныхъ книжекъ, а бо́льшая — исчезла безслѣдно.

Въ XVI столѣтіи книгопечатаніе проникаетъ и къ намъ на Русь. Въ 1564 г., въ царствующемъ градѣ Москвѣ, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ напечатали первую книгу Апостолъ, въ послѣсловіи котораго сказано: «И повелѣ (царь) поставити *штанбу* [1]), сирѣчь дѣло печатныхъ книгъ, ко очищенію и ко исправленію ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ книгописцевъ». Это происходило черезъ 110 лѣтъ послѣ изданія Гуттенберговой библіи, почти черезъ 90 лѣтъ послѣ появленія книгопечатанія въ Богеміи и черезъ 40 лѣтъ послѣ открытія славянской типографіи въ Вильнѣ! Но и это было слишкомъ рано для москвичей: въ слѣдующемъ 1565 г. послѣ напечатанія второй книги Часовника, типографія была сожжена, и печатники едва спаслись отъ толпы, которая считала ихъ колдунами и губителями св. Писанія. Въ 1568 г. типографія была возобновлена, но до лучшихъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича печатное дѣло шло въ Москвѣ очень плохо. А Ѳедоровъ и Мстиславецъ, между тѣмъ, бѣжали въ югозападную Русь, которая была тогда гораздо образованнѣй сѣвера, и печатали книги у гетмана Хоткевича въ Заблудовѣ; потомъ Ив. Ѳедоровъ перешелъ во Львовъ, а Петръ Тимофеевъ—въ Вильно; позднѣе Иванъ Ѳедоровъ нѣкоторое время работалъ въ Острогѣ, у знаменитаго

[1]) Итал. *stampa*. Ср. нѣм. *stampfen*.

поборника православнаго просвѣщенія князя Константина Острожскаго. Онъ умеръ въ страшной нуждѣ во Львовѣ 5 декабря 1583 г.; на его надгробномъ камнѣ написано: «друкарь книгъ предъ тымъ невиданныхъ» [1]). Въ концѣ столѣтія въ югозападной Руси было уже много типографій, и во время борьбы за православіе противъ католичества и уніи книга была болѣе могучимъ орудіемъ, чѣмъ казацкая пика и даже московская пушка.

Въ Москвѣ, только въ слѣдующемъ XVII столѣтіи, типографское дѣло становится прочно—и то благодаря пришлымъ съ югозапада ученымъ. Въ такъ называемой *верхней*, т. е. дворцовой типографіи при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ книги печатаются красиво и *справно* и украшаются превосходными гравюрами Симона Ушакова и др.; но и тогда церковный шрифтъ, множество ни на что ненужныхъ надстрочныхъ знаковъ и неудобныхъ для печати сокращеній дѣлаютъ книгу мало кому доступною по цѣнѣ. Вотъ отчего списываніе книгъ не прекращается у насъ очень долго, и въ 1725 г. академикъ Коль удивляется количеству людей, живущихъ этимъ ремесломъ, почти забытымъ въ цивилизованныхъ странахъ [2]). Рас-

[1]) У кого учились первые московскіе типографы—неизвѣстно; многіе типографскіе термины (*штанба*, *передорщикъ*, *батырщикъ*, *фрашкетъ*, *маца* и пр.) указываютъ на посредственное или непосредственное вліяніе Италіи, вѣроятнѣе всего, Венеціи. Знакъ, который Ив. Ѳедоровъ употреблялъ въ своихъ книгахъ, какъ гербъ, и который находится на его надгробномъ камнѣ (если онъ вѣрно воспроизведенъ въ юбилейномъ изданіи «Общества графическихъ искусствъ»), не есть ли грубое подражаніе дельфину Альда Мануція? Припомнимъ, что другой просвѣтитель московской Руси Максимъ Грекъ, дѣйствовавшій немного раньше († 1556 г.), зналъ Мануція лично.

[2]) Но въ XVIII вѣкѣ, очевидно, не безъ давленія печатной книги цѣны на рукописи падаютъ: въ 1728 г. за восемнадцать алтынъ проданъ однимъ мезенцемъ его же земляку сборникъ въ 494 листа (А. А. Титовъ о. с., стр. 157). Въ шестидесятыхъ годахъ бѣлецъ Яковлевъ, съ особенной любовью переписывавшій творенія Димитрія Ростовскаго, за рукопись въ 591 листъ беретъ отъ письма 3 р. 60 к. (ibid. 56). Въ 1796 г. вдова Ирина Сергѣева въ Архангельскѣ продаетъ рукопись въ 410 л. за 1 рубль (ibid 85—6). Впрочемъ, можно указать и примѣры довольно высокихъ цѣнъ: въ 1726 г. житель Вязовскій Даміанко Яценько покупаетъ Апостолъ XVI в. «за повпята золотою манитою казацкою», но дѣлаетъ онъ это «ради гриховъ своихъ отпущенія». (Востоковъ, Опис. стр. 13).

Любопытно, что и въ концѣ XVIII в. люди высшихъ классовъ пріобрѣ-

кольники-старообрядцы, не имѣвшіе своей типографіи до послѣдняго времени, списываютъ книги еще и теперь; это такъ называемыя *поморскія* [1]) рукописи.

Возвращаюсь въ западную Европу. Въ XVII вѣкѣ во внѣшности книги, кромѣ вполнѣ естественнаго прогресса въ количествѣ, дешевизнѣ и красотѣ ея и кромѣ вышеуказаннаго соотвѣтствія наружности книги съ напускнымъ величіемъ и церемонностью вѣка Людовика XIV, особо характерныхъ перемѣнъ не замѣчается Форматъ книги удерживаетъ то разнообразіе, которое онъ выработалъ въ вѣкъ предшествующій; но по особенному свойству науки XVII вѣка, далеко отстоявшей отъ жизни и работавшей не для публики, а для немногихъ избранныхъ, именно въ этомъ столѣтіи выходятъ въ очень большомъ количествѣ многотомные фоліанты, поглощавшіе десятки лѣтъ жизни авторовъ и составленные съ такой ученостью и тщательностью, что въ нынѣшнее время, когда люди работаютъ сравнительно на спѣхъ, ихъ только перепечатываютъ, пересмотрѣвши и дополнивши, при чемъ иногда даже сохраняютъ старую пагинацію для удобства справокъ [2]).

Назовемъ столь извѣстныя въ наукѣ имена *Баронія* [3]), лучшимъ изданіемъ церковныхъ лѣтописей котораго [4]) начинается столѣтіе; *Дюканжа* [5]), словари котораго [6]) до сихъ поръ остаются незамѣнимымъ пособіемъ при чтеніи средневѣковыхъ писателей какъ латинскаго запада, такъ и Византіи;

таютъ рукописи, повидимому, вовсе не изъ археологическаго интереса; на хронографѣ XVII в. находимъ запись: «Сія книга Граноографъ лейбъ-гвардіи капитана-поручика кн. Павла Ѳедоровича Голицына, 1775 г. іюля 4 дня» (А. А. Титовъ о. с. стр. 97).

[1]) Т. е. писанныя по берегамъ Бѣлаго *моря*.

[2]) Такъ напр. дѣлаютъ составители коллекцій Миньи (Migne): Patrologiae cursus completus.

[3]) Caesar Baronius род. 1538 г. въ Неаполѣ, ум. 1607 г.

[4]) Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198, Майнцъ. 1601—1605, 12 томовъ.

[5]) Charles Dufresne sieur Du Cange род. въ 1610 г. въ Амiенѣ, ум. 1688 г., въ Парижѣ.

[6]) Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, 1-е изд. въ 3 т. 1678 (послѣднее въ 7 т. Henschel 1840—1850) и Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. 2 т. 1688.

Ламбеція [1]), основателя исторіи литературы, какъ предмета преподаванія; наконецъ, *Фабриція* [2]), «Латинская Библіотека» котораго почти заключаетъ XVII вѣкъ [3]); эти книголюбцы, навсегда остающіеся образцами усердія, ученой добросовѣстности и почти героическаго терпѣнія, не могутъ быть обойдены молчаніемъ хотя бы въ самомъ краткомъ очеркѣ исторіи книги.

Въ XVII же столѣтіи начинаетъ выходить книга, до сихъ поръ не оконченная: это Acta Sanctorum, имѣющая огромное значеніе не только для богослововъ, но и для историковъ всѣхъ спеціальностей и оттѣнковъ: ее нельзя назвать настольной только потому, что она ни на одинъ столъ ученаго не уставится. Планъ этого грандіознаго труда выработалъ голландскій іезуитъ Росвейнъ (Rosweyn), не дожившій до его осуществленія (ум. 1629 г.); первый томъ выпустилъ *Болландъ* [4]) въ Антверпенѣ въ 1643 г.; до 1794 г. вышло всего 53 фоліанта; тогда, вслѣдствіе вторженія французовъ, изданіе было пріостановлено и возобновилось только въ срединѣ нынѣшняго столѣтія [5]); первые томы теперь вновь перепечатаны.

Той же Голландіи и тому же XVII вѣку принадлежатъ и маленькія, красивыя, замѣчательно исправно напечатанныя книжки, называющіяся по имени издателей *эльзевирами*. Фамилія Эльзевировъ работала на поприщѣ издательства цѣлое столѣтіе, отъ 80 хъ годовъ XVI вѣка до 80-хъ годовъ XVII вѣка. Начало фирмѣ положилъ Людвигъ Эльзевиръ, педель Лейденскаго университета; онъ оставилъ семь сыновей, изъ которыхъ пять сдѣлались издателями-книгопродавцами въ Лейденѣ и Антверпенѣ; послѣ сыновей работали его внуки. Эльзевиры издавали латинскихъ и греческихъ классиковъ въ двѣнадцатую

---

[1]) Peter Lambeck, обыкновенно наз. Lambeccius, род. въ Гамбургѣ въ 1628 г., умеръ въ 1680 г. въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ библіотекаремъ. Главный его трудъ, до сихъ поръ образцовый: Commentarii de bibliotheca caesarea Vindobonnensi, 8 т. 1665—79, 2-е изд. 1766—82.

[2]) Joh. Albert Fabricius род. въ 1668 г. въ Лейпцигѣ, ум. въ Гамбургѣ въ 1736 году.

[3]) Bibliotheca Latina 1697 г.; уже въ 1721 г. было 5-е изд. Но важнѣй ея Bibliotheca Graeca, 14 т. 1705—8.

[4]) Отсюда и названіе Болландистовъ.

[5]) 1846 г. вышелъ 54 т., 1854—55 т.

долю листа и напечатали множество французскихъ книгъ разнообразнаго содержанія. Изданія ихъ были чрезвычайно прочны и изящны, но не роскошны и, стало быть, общедоступны. Одною изъ особенностей ихъ фирмы, говорятъ, было то, что они для корректуры предпочитали женскій трудъ мужскому въ виду извѣстной аккуратности и меньшей самонадѣянности женщинъ. Даже знаменитые Эльзевиры, не говоря уже о другихъ издателяхъ XVII столѣтія, были скорѣй образованные купцы и фабриканты, нежели ученые; очевидно, книга становится товаромъ, какъ и всякій другой предметъ ежедневнаго потребленія. Она даетъ возможность наживаться посредникамъ между производителемъ и потребителемъ, и вотъ почему издательское дѣло и книжная торговля начинаютъ привлекать массу дѣятелей. Въ Парижѣ въ одномъ 1610 г. было основано 50 новыхъ издательскихъ и книгопродавческихъ фирмъ.

Тамъ, въ Парижѣ, книжную торговлю оживляетъ сильно возбужденный въ дворянствѣ и богатой буржуазіи вкусъ къ изящной словесности, въ особенности къ стихамъ и романамъ. Это было время отеля Рамбулье и безчисленныхъ отеликовъ, ему подражавшихъ; затѣмъ наступила эпоха Буало, Корнеля, Расина, Мольера, «золотой вѣкъ» Людовика XIV, какъ прежде его называли. Какъ-бы ни былъ въ общемъ вреденъ для Франціи режимъ этого теперь развѣнчаннаго «великаго» короля, то уваженіе, которое онъ въ лучшіе годы свои оказывалъ наукѣ и поэзіи, не могло не оказать благотворнаго вліянія на развитіе книжнаго дѣла во Франціи, а, стало быть, и въ остальной западной Европѣ, государи которой стремились копировать Людовика.

Въ томъ-же XVII вѣкѣ и въ той-же Франціи развивается и скоро получаетъ большое значеніе и періодическая пресса, *газеты*. Слово: газета происходитъ отъ названія мелкой итальянской монеты, которую еще въ XVI вѣкѣ взимало венеціанское правительство за право чтенія *писанныхъ* объявленій о политическихъ новостяхъ—notizie scritte. Во Франціи еще раньше того, во время похода Карла VIII въ Италію, донесенія съ театра войны распространялись въ летучихъ листкахъ. Но ни эти летучіе листки, ни венеціанскія рукописныя notizie,

тоже появлявшіяся только во время войны республики съ турками, ни два Меркурія, англійскій и французскій, выходившіе по мѣрѣ накопленія матеріала, не имѣютъ еще двухъ главныхъ свойствъ газеты—періодичности и постоянства. Первыя еженедѣльныя газеты стали выходить въ разныхъ городахъ Германіи [1]), но онѣ имѣли главнымъ образомъ мѣстный интересъ и, стало быть, небольшой кругъ читателей. Съ 1622 г. появляется первая постоянная (тоже еженедѣльная) газета въ Англіи, издаваемая Натаніелемъ Butter'омъ [2]), который прежде разсылалъ своимъ абонентамъ рукописныя извѣстія; за нею послѣдовали многія другія [3]); во время гражданской войны газеты играли важную политическую роль; но районъ ихъ дѣйствія ограничивался главнымъ образомъ Великобританіей. О происхожденіи первой газеты во Франціи разсказываютъ слѣдующее:

Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Парижѣ проживалъ одинъ практикующій врачъ Теофрастъ Ренодо (Renaudot); человѣкъ очень ловкій и промышленный, онъ изобрѣталъ разные способы для обогащенія и, между прочимъ, открылъ справочную контору, которая шла довольно ходко; служащіе въ ней по самому роду своихъ занятій должны были слѣдить за всѣми новостями дня какъ во Франціи, такъ и внѣ ея. Въ конторѣ постоянно толпилась публика, отчасти приходившая за дѣлами, отчасти изъ желанія узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Чтобы она не отрывала служащихъ отъ занятій, Ренодо придумалъ вывѣшивать объявленія о новостяхъ. Передъ этими объявленіями постоянно стояла толпа, и знатные люди, не желавшіе тереться въ ней, заказывали себѣ копіи съ объявленій. Тогда Ренодо увидалъ, что это дѣло можно утилизировать не безъ выгоды, началъ печатать (съ 1-го апрѣля 1631 г.) каждую недѣлю эти новости подъ именемъ *Gazette* и разсылать за плату подписчикамъ, число которыхъ быстро

[1]) Раньше другихъ, въ 1615 г. во Франкфуртѣ газета книгопродавца Эгенольфа Эммеля.

[2]) Подъ названіемъ: The certain newes of this present week.

[3]) Вторая газета называлась: The weekly *courant*; *курантами*-же назывались голландскія городскія газеты, появившіяся во множествѣ въ XVII вѣкѣ. Отсюда и наши *куранты*.

увеличивалось [1]). Умный кардиналъ Ришелье понялъ, какая огромная политическая сила можетъ заключаться въ этомъ ничтожномъ листкѣ, съ 6-го нумера далъ Ренодо королевскую привиллегію и съумѣлъ утилизировать газету въ свою пользу: въ ней печатались статьи, объяснявшія и оправдывавшія мѣропріятія правительства, не всегда симпатичныя для публики. Говорятъ, безсильный король Людовикъ XIII иногда помѣщалъ тамъ замѣтки, въ которыхъ мстилъ кардиналу и своей женѣ за домашнія непріятности.

Во второй половинѣ XVII вѣка, когда публика привыкла къ періодичности политическихъ извѣстій, появляются періодическія изданія научныхъ новостей: съ 1665 г. начинаетъ выходить Journal des Savants во Франціи, съ 1668 г. Jiornale de Letterati въ Италіи, съ 1682 г. Acta Eruditorum въ Германіи и около того-же времени Philosophical Transactions въ Лондонѣ.

Политическая журналистика, конечно, не сразу достигаетъ того положенія, какое она занимаетъ теперь, и въ XVII вѣкѣ съ ней успѣшно борются памфлеты и трактаты, выходящіе отдѣльными книгами. Чтобы показать ихъ силу, достаточно назвать книжку Сальмазія «Защита царская за Карла I» [2]), которая выдержала болѣе 40 изданій. Англійскій революціонный парламентъ вытѣснилъ за эту книжку Сальмазія изъ Лейденскаго университета, гдѣ тотъ былъ профессоромъ, и принудилъ его переселиться въ Швецію; но въ правительственныхъ сферахъ той-же Англіи и приблизительно въ то-же время раздавался звучный и вдохновенный голосъ за неограниченную свободу печатнаго слова. «Несправедливо думаютъ, говоритъ Мильтонъ въ своихъ Areopagitica (1644 г.), что книги мертвы; въ нихъ кроется жизненная мощь; только она можетъ надѣлить ихъ такимъ-же вліяніемъ, какое имѣетъ умъ, ихъ породившій. Скажу болѣе: онѣ сохраняютъ въ себѣ, какъ въ фіалѣ,

---

[1]) По другому преданію, Ренодо своими новостями первоначально развлекалъ паціентовъ; заграничныя-же извѣстія онъ получалъ отъ извѣстнаго генеалога Hozier, который имѣлъ огромную корреспонденцію.

[2]) Defensio regia pro Carolo I 1649 г. Сальмазій, собств. Claude de Saumaise, род. 1588 г., ум. 1653 г.

силу и сущность души, которая ихъ создала; онѣ живучи и производительны, какъ зубы сказочнаго дракона; разсѣянныя повсюду, онѣ способны порождать вооруженныхъ людей. Убить человѣка или хорошую книгу почти равносильно. Кто убьетъ человѣка, тотъ уничтожитъ разумное существо, созданное по образу Божьему; но кто убиваетъ хорошую книгу, тотъ уничтожаетъ самый разумъ, образъ Бога, отразившійся въ словѣ мыслителя. Многіе люди живутъ, напрасно обременяя землю, но хорошая книга—драгоцѣнная кровь ума высшаго, набожно сохраненная, какъ сокровище, и назначенная существовать безконечно долѣе самого писателя» [1]).

Людовикъ XIV, очевидно, тоже смотрѣлъ на книги, какъ на «зубы дракона», могущіе порождать вооруженныхъ воиновъ, и поэтому учредилъ постоянную и правильную *цензуру* для книгъ; одновременно съ нею, естественно, возникаетъ и нелегальная или подпольная книга, печатаемая въ Швейцаріи или Голландіи и довольно легко проникающая во Францію черезъ таможни или помимо ихъ.

XVIII столѣтіе, въ особенности вторая его половина, называется *вѣкомъ просвѣщенія* по преимуществу. Идеи этого просвѣщенія вырабатываются прежде всего въ свободной Англіи, потомъ перерабатываются въ передовой Франціи и изъ нея, черезъ посредство ея книгъ и журналовъ, растекаются по всей Европѣ. Достаточно назвать одно имя Вольтера, чтобы всякому образованному человѣку дать понятіе о томъ, какую огромную силу представляла тогда собою французская либеральная книжка.

Спрашивается, какимъ образомъ при тогдашнемъ абсолютномъ и враждебномъ всякому свободомыслію правительствѣ, при крайней строгости цензуры, могли печататься во Франціи и распространяться въ огромномъ количествѣ книги, справедливо называемыя предвѣстниками революціи?

Это странное явленіе объясняется тѣмъ, что правительство только тогда можетъ съ надеждой на успѣхъ проводить строгія

---

[1]) Эти слова Мильтона съ благодарностью вспоминались черезъ пол-ораста лѣтъ знаменитымъ Мирабо.

мѣропріятія, когда имъ сочувствуютъ или, по крайней мѣрѣ, не сочувствуютъ чему нибудь противоположному исполнители, т. е. значительная часть общества. Иначе эти мѣропріятія могутъ достигнуть только обратныхъ результатовъ.

Во Франціи въ это время была даже не одна цензура, а нѣсколько: три предварительныхъ и карательная, а на практикѣ проходили безъ послѣдствій такія вещи, за которыя даже въ свободной Англіи авторъ могъ бы подвергнуться наказанію. Дѣло велось такимъ образомъ: авторы наиболѣе опасныхъ и рѣзкихъ книгъ не ставили на нихъ своего имени, и хотя весь свѣтъ зналъ, чья это книга, передъ судомъ ея сочинитель оказывался въ ней неповиннымъ. Сегодня вечеромъ авторъ подноситъ экземпляръ своего сочиненія либеральному пріятелю, и тотъ разсыпается въ комплиментахъ, а завтра тотъ же пріятель, въ качествѣ прокурора, снимаетъ съ автора допросъ, не знаетъ-ли онъ, кто сочинилъ эту зловредную книгу? и въ отвѣтъ получаетъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Книги, всѣмъ завѣдомо печатанныя въ Парижѣ, появлялись съ именемъ Женевы или Неаполя на заглавномъ листѣ, и начальство дѣлало видъ, будто оно вѣритъ этимъ ложнымъ указаніямъ, и посылало выговоры пограничнымъ чиновникамъ.

Малербъ былъ Directeur de la Librairie (по нашему: главноуправляющимъ по дѣламъ печати) отъ 1750 до 1768 г. Въ одно прекрасное утро онъ пишетъ Дидро, что завтра долженъ дать приказаніе захватить всѣ его бумаги. «Это невозможно, отвѣчаетъ Дидро: когда я успѣю пересмотрѣть ихъ? Гдѣ найду мѣсто для нихъ въ 24 часа?» «Пришлите ихъ ко мнѣ, отвѣчаетъ Малербъ: онѣ будутъ у меня въ сохранности», и полиція находитъ у Дидро только пустые ящики.

Другой случай: Руссо за Эмиля долженъ былъ подвергнуться аресту; герцогъ и герцогиня Люксамбургскіе уговорили его бѣжать. Самъ герцогъ помогалъ ему приводить бумаги въ порядокъ и жечь болѣе опасныя. Арестъ долженъ былъ произойти въ полдень; но Руссо не успѣлъ управиться раньше 4 часовъ, полиція была настолько предупредительна, что не безпокоила его все это время. Наконецъ, Руссо отправился; дали знать сыщикамъ, и тѣ *поспѣшили* исполнить приказъ

относительно обыска и ареста. Говорятъ, что они встрѣтились съ Руссо и раскланялись съ нимъ, усмѣхаясь. Извѣстно, что всѣ литераторы-предвѣстники революціи, Вольтеръ, Дидро, Даламберъ и пр., называются однимъ общимъ именемъ *энциклопедистовъ*, такъ какъ они вмѣстѣ со многими единомышленными сотрудниками принимали участіе въ составленіи большой энциклопедіи, вышедшей между 1751 и 1777 гг., въ 33 томахъ (изъ нихъ 12 томовъ рисунковъ) и заключающей въ себѣ, кромѣ массы вполнѣ объективныхъ научныхъ фактовъ, сводъ ихъ либеральныхъ или радикальныхъ убѣжденій. Книга имѣла необычайный успѣхъ: она печаталась въ количествѣ 30,000 экземпляровъ, которые стоили издателямъ больше милліона франковъ; но чистая прибыль ихъ превысила 2 милліона. Раньше окончанія этого труда уже появилось 4 перевода.

Вотъ какими путями эта опасная книга избѣгла подводныхъ камней многочисленныхъ цензуръ. Во-первыхъ, редакторы прибѣгли къ нѣкоторой, впрочемъ, весьма наивной хитрости, которую сами же разъяснили внутри книги, въ статьѣ объ энциклопедіи: подъ тѣми рубриками, гдѣ цензура ожидала найти мысли особенно опасныя, они были очень осторожны, а подъ рубриками сходными, но по заглавію невинными они помѣщали свое ученіе въ самой рѣзкой формѣ. Далѣе: когда вышли два первые тома, Сорбонна возмутилась, и архіепископъ парижскій издалъ противъ энциклопедіи грозное окружное посланіе. Правительство не могло не обратить на это вниманія, и вышедшіе томы были запрещены, но предпріятіе не было остановлено. Запрещеніе и громы архіепископа, какъ это часто бываетъ, только способствовали распространенію книги, до тѣхъ поръ извѣстной сравнительно немногимъ. Когда въ 1757 г. вышелъ наиболѣе рѣзкій—седьмой томъ, появленіе котораго совпало съ выходомъ извѣстной книги Гельвеція *о духѣ*, іезуиты подняли такой крикъ, что правительство принуждено было назначить слѣдствіе, королевская привиллегія была уничтожена, и продажа вышедшихъ и имѣющихъ выйти томовъ строго запрещена. Это, однако, не остановило предпріятія, и когда въ 1766 г. вышли сразу 10 слѣдующихъ томовъ, книгопродавевъ посадили на 8 дней въ Бастилію, но распространенію

книги полиція почти не препятствовала. Чтобы облегчить послѣднее еще болѣе, два либеральныхъ министра устроили такъ, что одинъ разъ, за обѣдомъ во дворцѣ, король спросилъ о приготовленіи пороха, а всесильная фаворитка m-me Помпадуръ—о лучшей помадѣ. Для справки принесли Энциклопедію, и король былъ вполнѣ доволенъ полученными изъ нея свѣдѣніями. Нельзя же энергично преслѣдовать книгу, которой пользуются во дворцѣ. Такимъ-то образомъ полицейская терпимость относительно энциклопедіи была санкціонирована самимъ королемъ.

Энциклопедія показываетъ наглядно, какъ въ XVIII столѣтіи измѣнили свое назначеніе и характеръ толстыя и дорогія книги: онѣ пишутся и издаются уже не для спеціалистовъ ученыхъ, а для массы образованныхъ людей, не для библіотекъ, а для частныхъ кабинетовъ, не для отдаленнаго потомства, а для современниковъ.

Маленькая книга и книга для легкаго чтенія въ XVIII вѣкѣ прогрессируетъ попрежнему и въ отношеніи количества, и въ отношеніи качества и дешевизны. Въ типографскомъ дѣлѣ появились нѣсколько усовершенствованій, способствовавшихъ такому прогрессу; между прочимъ, изобрѣтаютъ *стереотипъ*, т. е. средство получать, не теряя при этомъ шрифта, почти безконечное количество оттисковъ съ одного и того же набора. Изящныя иллюстрированныя изданія дешевѣютъ, стало быть дѣлаются доступны среднему сословію, которому въ концѣ столѣтія принадлежитъ главенство во всей западной Европѣ.

XVIII вѣкъ есть время зарожденія и развитія новой русской книги. Къ самому началу столѣтія относится и первая русская книга гражданской печати, и первая русская газета [1]). И тѣмъ, и другимъ мы обязаны Петру Великому, который и въ этомъ отношеніи насъ «изъ небытія въ бытіе» привелъ. Петръ, какъ извѣстно, самъ держалъ корректуру и газеты, и множества учебниковъ; къ концу царствованія онъ усиленно хлопочетъ о томъ, чтобы дать русскимъ грамотнымъ людямъ

[1]) «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто отъ Христа 1703».

и легкое чтеніе. Отъ Петра до Екатерины II и въ исторіи книги, какъ во всѣхъ другихъ областяхъ, прогрессъ совершается очень медленно; пересаженная цивилизація развивается только по инерціи, благодаря богатырскому толчку Великаго и естественному давленію духа времени. Съ Екатерины начинается новая эра; уже въ первое десятилѣтіе ея правленія журналы появляются десятками, а книги—сотнями. Но эти журналы, въ особенности сатирическіе, столь интересные и живые по содержанію, рѣзко свидѣтельствуютъ о нашей отсталости уже однимъ тѣмъ, что самые популярные изъ нихъ расходились только въ числѣ 200—300 экземпляровъ, тогда какъ въ то-же время вовсе неостроумные лейпцигскіе журналы—я не говорю уже про Францію и Англію—имѣли тысячи подписчиковъ. Съ 1775 г., со времени «учрежденія для управленія губерній», появляются типографіи въ провинціяхъ, при губернскихъ правленіяхъ. Наконецъ, 15 января 1783 г. выходитъ знаменитый указъ о вольныхъ типографіяхъ, сразу поднявшій русскую книгу до неожиданной высоты. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ послѣ этого указа типографіи растутъ какъ грибы; открываются книжныя лавки въ такихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ ихъ нѣтъ до сихъ поръ и, можетъ быть, не будетъ еще десятки лѣтъ [1]). Богатые помѣщики заводятъ типографіи въ своихъ усадьбахъ. Издаются цѣлыя библіотеки греческихъ и римскихъ классиковъ и англійскихъ и французскихъ романовъ; выходятъ сотнями собственныя подражанія послѣднимъ; скучныя мистическія книги масоновъ находятъ сотни и даже тысячи покупателей и выдерживаютъ по нѣсколько изданій. Новиковская многотомная Вивліоѳика, заключающая въ себѣ сухіе, интересные только для спеціалистовъ матеріалы по русской исторіи, выдерживаетъ 2 изданія и попадаетъ въ помѣщичьи дома въ такіе медвѣжьи углы, гдѣ до тѣхъ поръ на цѣлый уѣздъ не было ни одной книги, кромѣ святцевъ. Въ каждомъ нумерѣ Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостей объявляется о выходѣ нѣсколькихъ новыхъ книгъ. Возьмите каталогъ Смирдина, и вы убѣдитесь, что многія клас-

[1]) По счету Сопикова, выходили книги minimum въ 15 провинціальныхъ городахъ.

сическія произведенія европейской литературы, считающіяся не переведенными до сихъ поръ или переведенными только въ самое послѣднее время, были *переложены* и изданы при Екатеринѣ. Переводы эти часто бываютъ тяжеловаты и слишкомъ близки къ подлиннику, но сдѣланы почти всегда добросовѣстно и внимательно. Переводчики (большею частію безъименные) если не знаютъ языка оригинала, честно заявляютъ, что они переводили съ французскаго; за то, если они говорятъ, что перевели книгу съ «аглицкаго» или «гишпанскаго», имъ смѣло можно вѣрить. Извѣстны кое-какіе документы съ обозначеніемъ званія переводчиковъ: оказывается, что большинство ихъ была, какъ и естественно ожидать, учащаяся молодежь: студенты университета, студенты семинарій, но не мало между ними и солдатъ и унтеръ-офицеровъ (разумѣется, изъ дворянъ) и мѣщанъ, и что особенно поразительно: довольно часто попадаются и крѣпостные люди. Переводчики работали не для наживы, а изъ любви къ дѣлу — за авторскіе экземпляры и за книги; нѣсколько рублей гонорару были рѣдкимъ исключеніемъ. Установились такіе литературные обычаи, которымъ можетъ позавидовать и наше время: такъ, напр., принимающійся за переводъ обыкновенно объявлялъ объ этомъ въ газетахъ, чтобы другіе не трудились надъ той-же книгой.

Періодъ процвѣтанія русской печати продолжался до сентября 1796 г., когда вышелъ указъ о закрытіи вольныхъ типографій [1]).

При Екатеринѣ у насъ несравненно больше прежняго заботятся и о внѣшней красотѣ книги: часто встрѣчаются изданія, украшенныя гравюрами; даже многія казенныя изданія, даже уставы украшаются изящными виньетками.

Въ томъ-же XVIII столѣтіи книгопечатаніе проникаетъ и въ наименѣе просвѣщенное изъ европейскихъ государствъ: въ 1727 г. открыта первая типографія въ Константинополѣ.

Перехожу къ нашему столѣтію; я буду кратокъ, такъ какъ факты у всѣхъ на глазахъ и значительная часть ихъ констатируется и группируется по нѣскольку разъ въ годъ газетами

[1]) Онъ былъ отмѣненъ уже при Александрѣ I: 9 февраля 1802 г.

и журналами. Самый важный фактъ въ исторіи книги XIX вѣка, по моему мнѣнію, тотъ, что она стала обогащать автора, обогащать не посредствомъ подарковъ и пенсій отъ богачей и правительства, а посредствомъ продажи книгъ въ публику. Даровитые писатели становятся богачами, и литературный трудъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даже заурядному работнику даетъ средства къ безбѣдному существованію. Уже въ началѣ столѣтія Вальтеръ Скоттъ на доходы съ своихъ поэмъ и романовъ покупаетъ большое помѣстье и выстраиваетъ роскошный замокъ съ музеями, паркомъ и т. д. Правда, онъ кромѣ гонорара пользуется частію барышей съ огромной издательской фирмы, во главѣ которой стоялъ «Наполеонъ книжной торговли», какъ его называли, Констэбль, поставившій себѣ благородную задачу до того удешевить книгу, чтобы каждый зажиточный фермеръ могъ имѣть у себя дома цѣлую библіотеку отечественныхъ классиковъ. Но когда въ 1826 г. фирма рухнула вслѣдствіе торговаго кризиса, Вальтеръ Скоттъ, одинъ изъ всѣхъ компаньоновъ, взялся уплатить милліонный долгъ работой пера своего и *уплатилъ его*.

Александръ Дюма-отецъ, не принимавшій серьезнаго участія ни въ какихъ издательскихъ предпріятіяхъ, романами и пьесами въ лучшіе годы свои наживаетъ милліоны франковъ; доставляетъ своимъ многочисленнымъ помощникамъ возможность проживать десятки тысячъ, строитъ замки, скупаетъ дома и имѣнія и живетъ во всю ширь французско-африканской натуры; онъ нѣсколько разъ проматывался до нитки и опять становился милліонеромъ.

Но Дюма принадлежитъ къ такъ называемой литературѣ индустріализма, которая подлаживалась ко вкусу публики. Возьмемъ писателя безукоризненно честнаго и преисполненнаго благородной гордости—Виктора Гюго. Въ продолженіе всего царствованія Наполеона III онъ живетъ въ изгнаніи, съ большой семьей; книги его запрещены въ его отечествѣ, а кромѣ книгъ у него ничего нѣтъ. Но какъ живетъ онъ? Въ собственномъ замкѣ, двери котораго широко открыты для гостей. Онъ десятки тысячъ отдаетъ другимъ изгнанникамъ, разсыпаетъ благодѣянія вокругъ себя, совершаетъ увеселительныя поѣздки на особомъ кораблѣ, и все это благодаря продажѣ книгъ сво-

ихъ. Всѣ 18 лѣтъ Гюго ведетъ ожесточенную войну съ императоромъ французовъ, какъ равный съ равнымъ, и исходъ борьбы показалъ, что литераторскій тронъ, пожалуй, крѣпче Наполеонова.

А Диккенсъ, котораго тоже никто не упрекнетъ въ потворствѣ грубымъ вкусамъ толпы? Онъ тоже наживаетъ сотни тысячъ ежегодно; онъ тоже сильнѣй всякаго государственнаго человѣка своего времени.

Если мы отъ западно-европейской книги обратимся къ бѣдной русской, и здѣсь уже въ первой половинѣ столѣтія замѣтимъ въ этомъ отношеніи гигантскій шагъ впередъ. Карамзинъ, истративъ свое небольшое наслѣдство на пополненіе своего образованія и на путешествіе за границу, рѣшился жить литературнымъ трудомъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ не бѣдствуя. Когда въ 1818 г. вышли 8 томовъ его исторіи, изданіе въ 3000 экземпляровъ разошлось, говорятъ, въ одинъ мѣсяцъ и положило начало многимъ деревенскимъ библіотекамъ. Исторія государства Россійскаго, положимъ, явленіе выдающееся и исключительное; но и другія книги, нынѣ совсѣмъ забытыя, доставляли значительныя выгоды авторамъ: Ѳаддей Булгаринъ продалъ, говорятъ, свой романъ „Иванъ Выжигинъ“ за 30,000 рублей, деньги по тому времени огромныя; на нихъ тогда можно было купить деревню съ 200 душъ.

Другая характерная черта времени, тоже проявившаяся повсемѣстно уже въ первой половинѣ столѣтія, та, что авторы сильно расходящихся и вліятельныхъ книгъ, даровитые поэты и романисты, чувствуя наглядно свою силу, выражающуюся въ гонорарѣ, стремятся вліять на общество непрестанно, или по крайней мѣрѣ періодически, иначе сказать, стремятся сдѣлаться редакторами газетъ и журналовъ: до того выросло значеніе послѣднихъ. Въ прошломъ столѣтіи даже такой архи-публицистическій талантъ, какъ Вольтеръ, обогатился брошюрами и книгами; въ нашемъ—журналистами дѣлаются Шатобріанъ, Бенжаменъ Констанъ, Диккенсъ, Пушкинъ. Въ особенности характеренъ для нашего времени поразительнымъ разнообразіемъ своего содержанія ежемѣсячный или 2-хъ недѣльный журналъ; эта «книга для всѣхъ» каждымъ номеромъ своимъ плодитъ десятки

новыхъ читателей и каждымъ годомъ—десятки писателей. Журналы популяризируютъ науку, заставляя ея представителей писать ясно, коротко, общедоступно и по возможности интересно; они порождаютъ такъ называемыхъ *эссеистовъ*, въ маленькихъ монографіяхъ которыхъ иногда больше новаго и больше мысли, нежели въ иныхъ толстыхъ диссертаціяхъ; они даютъ пищу всякому уму и человѣка, живущаго въ глуши деревенской, непрестанно поддерживаютъ въ связи съ культурой во всѣхъ ея самыхъ интересныхъ проявленіяхъ.

Тотъ-же самый духъ общественности, стремленіе дѣйствовать компаніей, союзомъ, которое проявляется въ процвѣтаніи журналовъ, сказывается и въ другихъ фактахъ изъ новѣйшей исторіи книги: кромѣ правительствомъ учрежденныхъ академій, повсемѣстно слагаются частныя ученыя общества, публикующія труды своихъ членовъ и издающія массу памятниковъ, которые безъ нихъ были-бы осуждены гнить въ рукописяхъ или недоступныхъ старыхъ книгахъ. Укажу, напр., на Шекспировское или Дантовское общества въ Германіи, на рядъ Шекспировскихъ обществъ въ Англіи, на Чосеровское общество тамъ-же, на общество изданія древнихъ текстовъ во Франціи и даже въ Россіи можно указать общество любителей древнерусской письменности, которое въ немного лѣтъ издало сотни драгоцѣнныхъ памятниковъ.

Тотъ-же принципъ лежитъ и въ развитіи общественныхъ библіотекъ, которыя въ наше время подавляютъ и поглощаютъ библіотеки частныя и служатъ лучшимъ показателемъ умственнаго развитія городовъ и народовъ [1]).

Третья важнѣйшая особенность книги нашего столѣтія принадлежитъ главнымъ образомъ второй его половинѣ: это со дня на день усиливающаяся демократизація хорошей книги, идущая, естественно, рука объ руку съ ея удешевленіемъ. Че-

[1]) Въ Италіи публичныя библіотеки появляются еще въ XVI вѣкѣ; во Франціи первой по времени публичной считается библіотета Мазарини, ставшая таковой съ 1643 г. Въ 1737 г. открыта для всѣхъ королевская библіотека въ Парижѣ, теперь подъ именемъ Національной, занимающая одно изъ первыхъ мѣстъ. Британскій музей въ Лондонѣ открытъ въ 1753 г.; въ 1823 г. туда поступила библіотека короля Георга III; но только со 2-й половины нашего столѣтія, именно съ 1857 г. получилъ онъ свое нынѣшнее помѣщеніе, стоившее 4 милліона франковъ, и образцовое устройство.

ловѣкъ, тратящій на книги приблизительно 2—3 рубля въ годъ и бережно сохраняющій ихъ, можетъ имѣть черезъ 10 лѣтъ въ своемъ распоряженіи цѣлую библіотечку. Изданія роскошныя, прежде доступныя только богачамъ, теперь въ западной Европѣ не составляютъ рѣдкости на полкѣ учителя начальной школы. Съ другой стороны, умираетъ *лубочная* книга, такъ какъ изъ коморки рабочаго и изъ крестьянской избы ее вытѣсняетъ своею крайнею дешевизной книга умная, изданная извѣстной фирмой.

Приведу 2—3 примѣра, которые могутъ объяснить, какъ это дѣлается. Лѣтъ 8 тому назадъ было объявлено о выходѣ въ Лейпцигѣ исторіи нѣмецкой литературы нѣкоего Кёнига со множествомъ гравюръ, портретовъ, снимковъ и т. д., въ 3-хъ томахъ, по 2 рубля за каждый на наши деньги. Я былъ въ то время въ Лейпцигѣ и, пріобрѣтая первые 2 выпуска, ни на іоту не обманувшіе относительно иллюстрацій самыя пылкія ожиданія покупателей, спросилъ въ магазинѣ: въ какомъ количествѣ экземпляровъ печатается эта книга? Мнѣ сказали какую-то почтенную, но не поразительную цифру.—А какая часть изданія окупитъ книгу? спросилъ я. — Если разойдутся всѣ до одного экземпляры, мы будемъ въ убыткѣ на нѣсколько тысячъ марокъ.—На что-же вы разсчитываете?—На слѣдующія изданія, для которыхъ клише уже готовы. Разсчетъ не обманулъ предпріимчиваго нѣмца: хотя текстъ оказался очень плохъ, я уже 4 года назадъ видѣлъ 9-е изданіе этой книги: стало быть, издатель въ барышахъ на сотни тысячъ.

Приблизительно въ то-же время Онкенъ объявилъ о выходѣ громадной всеобщей исторіи въ длинномъ рядѣ монографій, написанныхъ лучшими спеціалистами, со множествомъ роскошныхъ иллюстрацій, по 3 марки, т.-е. по полтора рубля за выпускъ. Теперь вышло уже болѣе 150 выпусковъ, и такъ какъ они ни въ отношеніи текста, ни въ отношеніи иллюстрацій не ниже обѣщаннаго, издатель, конечно, въ убыткѣ не будетъ Проф. Брикнеръ для этого изданія написалъ исторію Петра Великаго и исторію Екатерины II, которыя г. Суворинъ издалъ въ русскомъ переводѣ, выписавъ клише изъ Берлина.

Уже нѣсколько лѣтъ у Quantin'a въ Парижѣ выходитъ Bibliotheque de l'enseignement des beaux arts, заключающая рядъ

прекрасно составленныхъ спеціальныхъ монографій и обозрѣній по исторіи искусства, изданныхъ съ замѣчательнымъ изяществомъ и роскошью. Въ каждой книжкѣ—по крайней мѣрѣ сотня иллюстрацій, очень хорошо исполненныхъ; книга здѣсь въ Одессѣ въ превосходномъ переплетѣ стоитъ около 2-хъ руб.

Всѣмъ извѣстны маленькія красноватыя нѣмецкія книжечки, носящія общее названіе Universal bibliothek, или называемыя по имени издателя Реклама и стоящія по 10 коп. за книжку. Ихъ теперь вышло уже болѣе полуторы тысячи. Тамъ нѣмецкій читатель найдетъ всѣхъ своихъ лучшихъ писателей, а также и классиковъ всѣхъ временъ и народовъ. Благодаря предпріимчивости издателя, теперь нѣмецъ можетъ, стало быть, за 150 рублей имѣть библіотеку, которая его дѣду обошлась-бы въ нѣсколько тысячъ на наши деньги

Нѣсколько лѣтъ назадъ примѣръ Реклама нашелъ подражателя въ Италіи: тамъ миланская фирма Сонцоньо по той-же цѣнѣ начала издавать Biblioteca Universale съ такой-же широкой задачей, но съ нѣсколько большимъ изяществомъ; уже лѣтъ 5 назадъ, благодаря этой библіотекѣ, итальянскій крестьянинъ могъ пріобрѣсти за 25 сантимовъ Бориса Годунова Пушкина въ хорошемъ прозаическомъ переводѣ [1]). Та-же фирма издаетъ и «Библіотеку Народную», томикъ которой *съ гравюрами* стоитъ всего 15 сантимовъ, т.-е. 6 коп.

Подобныя библіотеки издаются и во Франціи и даже въ отсталой Испаніи, любого классика которой можно имѣть по 20 коп. за томъ; въ той-же Испаніи выходитъ изящная Biblioteca amenae instructiva, въ которой Донъ-Кихотъ въ 2-хъ красиво переплетенныхъ томахъ съ 300 гравюръ стоитъ на наши деньги 2 рубля съ коп., а первая испанская драма Селестина, еще недавно составлявшая въ Европѣ любопытную библіографическую рѣдкость,—менѣе полутора рубля.

Въ Англіи уже въ пятидесятыхъ годахъ большія выгоды издателямъ доставило полное изданіе Шекспира съ гравюрами, стоящее одинъ шиллингъ, т. е. немного болѣе 30 коп. по тогдашнему курсу.

Разсчетъ всѣхъ издателей подобныхъ книгъ очень простъ

[1]) Насколько эта библіотека выгодна издателю, видно изъ того, что скоро ей явился соперникъ въ Римѣ, начавшій Biblioteca nuova.

и вѣренъ: лучше получить 100,000 коп. барыша отъ 100,000 потребителей, нежели 200 руб. отъ 200.

Эти баснословно дешевыя изданія стали возможны только вслѣдствіе увеличившагося спроса, а также и усовершенствованія и удешевленія производства какъ бумаги, такъ и печати: уже въ семидесятыхъ годахъ одна Сорельская бумажная фабрика во Франціи изготовляла отъ 7 - 8000 километровъ бумаги въ день; стало быть, работая 10 мѣсяцевъ, она могла-бы легко обернуть бумагой весь шаръ земной; а хорошая паровая скоропечатная машина новой системы можетъ въ нѣсколько часовъ изготовить 150,000 экземпляровъ газеты или книжки.

Въ настоящее время, Гуттенбергово изобрѣтеніе съ позднѣйшими усовершенствованіями работаетъ во всѣхъ уголкахъ міра. Еще 60 съ небольшимъ лѣтъ назадъ Греція получала изъ Франціи и бумагу и шрифтъ для прокламацій и школьныхъ книгъ; теперь-же тамъ дѣйствуютъ сотни машинъ и выходятъ ежегодно тысячи названій книгъ. Городокъ Гонолулу, на Гаити, имѣетъ, говорятъ, 8 журналовъ и нѣсколько типографій. Въ Парижѣ однихъ медицинскихъ журналовъ выходитъ до 30. Національная библіотека получаетъ всего около 3000 періодическихъ изданій. Одинъ парижскій книгопродавецъ Дидо въ 1846 г. выпускалъ въ день отъ 2000 до 2500 томовъ; въ 1876 г. число это удвоилось; въ томъ-же году Національная типографія выпускала въ свѣтъ круглымъ счетомъ до 10,000 томовъ. Даже у насъ московская книгопродавческая фирма Салаевыхъ, занимающаяся преимущественно учебниками, по приблизительному разсчету, издаетъ въ годъ до 2.000,000 томовъ, что составитъ около 7000 книгъ на каждый рабочій день.

Вообще-же книжное дѣло у насъ въ Россіи все еще въ очень неудовлетворительномъ состояніи; наши издатели и наши книгопродавцы, начиная съ золотого вѣка русской поэзіи въ 30 гг. и до нашихъ дней, довольно рѣзко распадаются на двѣ группы. Меньшинство — люди образованные или по крайней мѣрѣ начитанные, идеалисты, относящіеся къ книгѣ не только съ любовью, но со страстію, въ родѣ Смирдина и Кожанчикова; о нихъ съ благодарностью вспоминаютъ ученые и литераторы, имѣвшіе съ ними дѣло, вспомнитъ когда-нибудь и историкъ русской культуры; но дѣятельность ихъ непродолжительна: они скоро разоряются. Другіе—купцы, для которыхъ

книги—просто товаръ невыгодный, медленно обращающійся. Они избѣгаютъ риска и только стремятся всѣми силами поменьше заплатить и побольше выручить; въ ихъ неискусныхъ и несмѣлыхъ рукахъ книжная торговля въ Россіи ползетъ черепашьимъ шагомъ. Есть, конечно, и отрадныя исключенія, но больше въ сторону добросовѣстности, чѣмъ смѣлости. Наши типографіи и мастерскія для изготовленія картъ, фототипій, фотолитографій и пр. настолько отстали отъ западныхъ, что иные и теперь предпочитаютъ печатать дорогія книги или атласы въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ и даже Прагѣ. *Книги для народа* почти до восьмидесятыхъ годовъ печатались промышленниками самаго низкаго разбора и только теперь ими занялись люди, заботящіеся о пользѣ читателей.

Съ тѣхъ-же восьмидесятыхъ годовъ появляется и у насъ свой «Наполеонъ книжной торговли», человѣкъ несомнѣнно предпріимчивый и энергичный: я разумѣю г. Суворина, «Дешевая Библіотека» котораго есть важный шагъ въ развитіи русской книги, такой-же по крайней мѣрѣ важный, какъ и изданія фирмы «Посредникъ» и Педагогическаго музея, сотнями тысячъ распространяемыя въ народѣ. Впрочемъ, ни широко задуманныя предпріятія г. Суворина, ни благотворительная дѣятельность «Посредника» не отошли въ область исторіи; это—явленія, еще не завершившіяся.

Но вотъ что совершилось на нашихъ глазахъ. Тотъ, кому мы обязаны лучшими, вѣчно безсмертными произведеніями нашей національной словесности, изъ-за гроба, черезъ полстолѣтія послѣ смерти своей, явился реформаторомъ въ исторіи развитія и распространенія русской книги. Еще 2 года назадъ, бѣдный русскій грамотникъ за свои трудовые гроши могъ пріобрѣсти только десятокъ повѣстей изъ дешевыхъ изданій для народа или нѣсколько томиковъ съ повѣстями Марлинскаго, Кукольника и съ отдѣльными главами изъ исторіи Карамзина изъ Дешевой Библіотеки. Съ 29 января 1887 г. онъ за тѣ-же гроши получилъ возможность купить себѣ *всего Пушкина*, а Пушкинъ для него будетъ цѣлой библіотекой, источникомъ духовнаго перерожденія. Пушкинъ можетъ дополнить дѣло Петра и навсегда уничтожить пропасть между русскимъ народомъ и интеллигенціей.

Библиотека ООН